

Константин Калбазов

Фантастические миры

РОСИЧ.
КОНЦЕРН

Росич

Константин Калбазов

Росич. Концерн

«Автор»

2012

Калбазов К. Г.

Росич. Концерн / К. Г. Калбазов — «Автор», 2012 — (Росич)

ISBN 978-5-9922-1076-7

Трое друзей по воле случая переносятся из 1998 года в 1898-й. Как им поступить? Остаться просто сторонними наблюдателями, озаботившись только своим благосостоянием? Или вмешаться в ход истории и попытаться выиграть грядущую Русско-японскую войну? Вопрос серьезный. Ответ неоднозначный.

ISBN 978-5-9922-1076-7

© Калбазов К. Г., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	12
Часть вторая	17
Глава 1	17
Глава 2	20
Глава 3	25
Глава 4	31
Глава 5	44
Глава 6	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Константин Калбазов

Концерн

Часть первая

Июнь 1998 года

Глава 1

Командир 247-го

Антон с явной неохотой отложил в сторону книгу и прислушался к дыханию корабля. Что-то было не так. Что-то заставило его отложить в сторону увлекательное чтение. Что именно, он пока не мог понять, так как был далеко от настоящего. Мысленно он все еще был в 1904 году. Переживал успехи и неудачи русских армии и флота, прикидывая, что бы он сделал не так, будучи на месте того или иного командира. Как бы мог повлиять на исход войны адмирал Макаров, не подорвись на mine броненосец «Петропавловск» или хотя бы останься жив сам адмирал.

Но настоящее постепенно все же завладело им, и Песчанин наконец осознал, что именно отвлекло его. Начала усиливаться качка.

Когда молодой капитан-лейтенант появился на мостике, его встретил помощник. Кисло улыбнувшись, Старцев обреченно развел руками:

– Вот, командир, полюбуйся на наших синоптиков. Еще утром предсказывали не погоду, а манну небесную. Теперь весь эфир оборвали штормовым предупреждением.

– Сколько грозятся?

– До двенадцати баллов.

– Сколько?!!

– Ты не ослышался, командир.

– Да они что там, охренели?!!

Старцев молча взирал на ту бурю, что уже разразилась перед его глазами. Он прекрасно понимал Антона – еще несколько минут назад он и сам выдал такую трель, что любо-дорого. Затем вызвал штурмана, и они прикинули, сколько до ближайшей безопасной стоянки, после чего на пару выдали ничуть не менее заслуживающую выполнения тираду, и, собственно, в результате этих телодвижений он не успел вызвать командира, а когда уже собрался – тот сам предстал пред очами своих офицеров.

– Ладно, это полемика, – успокоившись, через минуту резюмировал Песчанин. – Сколько до ближайшей стоянки?

– Два часа полным ходом, – вступил в беседу штурман лейтенант Котов.

– А когда нас накроет?

– Ты перестал разбираться в погоде? – Вопрос Старцева звучал с неприкрытой иронией и как-то нервно – было с чего нервничать.

– Нет, не перестал. – Взглянув на штурманскую карту, Песчанин повернулся к рулевому и скомандовал: – Право тридцать.

– Что ты задумал, Антон? – В голосе Старцева отчетливо промелькнули тревожные нотки.

– Трудно догадаться? – невесело ухмыльнулся Антон. – Мы у Кунашира, и там есть одна неприметная бухточка.

– Ты с ума сошел? Ночью, в такую погоду?

– Здесь нам один хрен кранты. Выхода нет. Андрей, играй побудку.

– Есть, командир, – безнадежно вздохнул Старцев. Конечно, лезть в ту неприметную бухточку – весьма сомнительное удовольствие, но если синоптики правы, то в море им точно верная смерть.

Молодые парни, которым выпала честь служить на сторожевом катере № 247 Тихоокеанской пограничной бригады сторожевых катеров, с матами посыпались с матросских шконок. Но как ни недовольны были матросы неурочной побудкой, отлынивать никто не пытался. Быстро одевшись, экипаж поспешил занять свои места согласно боевому расписанию, прилаживая на ходу спасательные жилеты. Морская жизнь быстро заставляет взрослеть и сплываться в команду. Иначе нельзя. В море каждый вручает свою жизнь в руки другого – и сам держит в своих чью-то.

Погода менялась стремительно, и при сильном волнении маленький сторожевик в полном мраке, перекачиваясь с одной волны на другую, нащупывая берег радаром, двигался, полагаясь только на счисления штурмана. Вскоре определились три ориентира. Песчанин с удовольствием заметил, что катер вышел точно к намеченной цели.

Теперь начиналось самое трудное. Впереди был узкий, извилистый фарватер в защищенную со всех сторон маленькую бухту.

Оттеснив в сторону рулевого, Песчанин занял его место и, обернувшись к бледному как полотно штурману, озорно ему подмигнул:

– Валера, потом бояться будем. Командуй и не боись – я все исполню как надо!.. Машина, малый вперед! Понеслась душа в рай!

– Типун тебе на язык, – не сдержался Старцев, однако это было все, что он сказал. Дальше он только молча наблюдал за действиями штурмана и командира, боясь чем-либо отвлечь их. Катер немилосердно раскачивало на крутой волне. В такой ситуации удерживать судно на заданном курсе в условиях узкого прохода практически невозможно. Мысленно Старцев проклинал Песчанина на чем свет стоит, но продолжал хранить молчание.

Вдруг катер проскрежетал днищем о подводную скалу – все внутри Старцева словно обдало холодом. Корпус мелко задрожал и завибрировал, снизу донесся гулкий звук удара, и все уже были готовы услышать скрежет немилосердно разрываемого металла, но в этот момент катер вырвался из теснины прохода на спокойную воду бухты.

Заякорившись, Песчанин отдал команду осмотреть корабль и через пару минут удовлетворенно выслушал доклады с боевых постов. Экипаж цел и невредим, не считая пары шишек и синяков. Повреждения – небольшая вмятина по левому борту ниже ватерлинии.

– Фу-у! Прошли по касательной, – облегченно, с задорной улыбкой произнес Антон.

– Антон, это обязательно было делать? – вновь взвился Старцев.

– А у нас был другой выход? – вопросом на вопрос ответил тот ему.

В этот момент из машинного отделения на палубу поднялся мичман героических пропорций, осмотрев очертания берега, он недовольно покачал головой и направился на мостик.

– Ну вот, мало мне было тебя – так теперь и Гризли понял, где собака порылась, – опять вздохнул Песчанин.

Механика не зря прозвали Гризли. Косая сажень в плечах, под два метра ростом, приплюсовать сюда еще свирепый своенравный характер – и получится полное соответствие. Этот детина не мог ужиться ни с одним командиром, и его за малым не списали вчистую, однако за него вступился Песчанин и уговорил приписать мичмана к его катеру. К тому же Семен был по-настоящему знающим механиком, в дизелях разбирался превосходно, вся матчасть у него всегда была в полном порядке. А характер? Так Песчанин и сам был не подарок. Как так вышло, никто сказать не мог, да и для самого Антона это было настоящей загадкой, но мичман Гаврилов вдруг проникся к нему уважением и беспредельной преданностью – впрочем, в этом

плане он не был одинок: вся команда любила и была предана своему командиру. Есть такая категория людей, которая располагает к себе с первой встречи, и ничего с этим не поделаешь.

Любой член команды знал непременно одно: командир их не бросит и не предаст ни при каких обстоятельствах, а главное – всегда остается хозяином своего слова. Если Песчанин обещал поощрить, то поощрение было достойным, хотя подчас, чтобы добиться своего, ему приходилось становиться в пику с командованием. Если обещал наказать, то провинившийся буквально стонал под тяжелой дланью командира, причем в этом случае гауптвахта была самым безобидным из возможных вариантов.

Поднявшись на мостик, Гаврилов, словно медведь, в честь которого ему дали прозвище, навис над командиром и пророкотал своим неподражаемым басом:

– Когда прошла команда на малый вперед, я заподозрил, что это может быть именно это место. Но я не поверил самому себе, даже когда почувствовал знакомые повороты.

– Синоптики напутали, – слегка пожав плечами, прокомментировал свои действия Песчанин.

– Много?

– Баллов на пять.

– Да они там что, совсем охренели? Эх, нету на них советской власти: при Советах живо бы по этапу пошли. Это же не одни мы в эту лабуду попали.

– Эт точно. Чай будешь?

– С коньяком? – с хитрым прищуром поинтересовался Гризли.

– С лимоном.

– За вредность положено...

– С лимоном, – упрямо гнул свое Песчанин.

Взглянув на командира, Гаврилов обернулся к штурману и старпому, но те проигнорировали его призыв о помощи, – выбора не было, и он безнадежно махнул рукой:

– Приказать принести в кают-компанию?

– Прикажи организовать чай матросам – натерпелись, поди, – а мы в мою каюту.

– Добро.

В маленькой каюте командира катера было тесновато для четверых – это если сказать очень скромно, но, как говорится, в тесноте да не в обиде. На небольшом столике были разложены пока еще не убранные книги.

Взяв одну из них, Гаврилов прочел титул, ухмыльнулся и положил обратно. Старцев и Котов также уловили название, но эмоций выказывать не стали.

– Поражаюсь я тебе, командир, – сокрушенно резюмировал Гаврилов. – Боевой командир. Лихой моряк. Гроза всех женщин и бильярда. И на кой черт тебе сдалась эта история? И ладно бы что разнообразное, а то одно и то же и про то же – только и знаешь, что русско-японскую войну гонять вдоль и поперек. Да ты небось уже больше любого профессора про этот период знаешь.

Принесли чай, и Гаврилов был вынужден прекратить свою тираду. Когда же матрос ушел, Песчанин, не дав Гаврилову раскрыть рта, заговорил:

– Слушай, Гризли, ты любишь ловить рыбу?

– В смысле – на удочку?

– Именно.

– А что может быть лучше рыбалки? Разве только рюмочка отличного коньяку с лимоном и кофе или женщины.

– А я терпеть не могу сидеть часами и пялиться на дурацкий поплавок, даже если имеет место самый бешеный клев. Но зато с удовольствием знакомлюсь с новыми фактами прошедших событий. И смею тебя заверить, что интересуюсь не только указанным тобой периодом. Просто русско-японскую войну я сильно близко принимаю к сердцу.

– Истории не изменить, Антон, – решил вступить в беседу Старцев.

– Знаю. Но нравится мне история, и ничего в этом плохого я не вижу. А потом, народ, забывающий свою историю, обречен на одни и те же ошибки. Ведь история развивается по спирали, и те или иные события имеют свое отражение в будущем, только на другом этапе. Ну взять хотя бы войну на Кавказе. Ведь в девятнадцатом веке уже была война, и русские солдаты обильно полили кавказскую землю своей кровью. И что мы имеем сегодня? Опять идет война, и опять русские солдаты стоят на тех же рубежах, что и их предки.

– Согласен. Но почему именно русско-японская? Семен прав: ты можешь и докторскую защитить на эту тему, – поддержал механика Старцев.

– А ты представь, что адмирал Макаров не погиб, – что тогда, по-твоему, произошло бы?

– Ну ты загнул. Макарову в то время не было равных. Я думаю, что русский флот все же овладел бы преимуществом на море, десантной операции под Бицзиво не было бы, а значит, и осады Порт-Артура как таковой, так как он в конце концов добился бы передачи под свое командование всех войск Квантунского полуострова, а соответственно остановил бы японцев еще под Цзиньчжоу, так как там японцы выиграли только благодаря беспредельной тупости и трусости генерала Фока. В общем, Россия победила бы.

– Я думаю так же. Но что было бы с Россией?

– Ну, историк у нас ты, так что тебе и карты в руки, – ушел в отказ старпом.

– Я предполагаю, что Россия выиграла бы войну, но сказало бы это весьма негативно. Революции пятого-шестого годов избежать не удалось бы. В армии и флоте не были бы проведены реорганизационные мероприятия в той мере, в какой это имело место. И хотя флот не понес бы значительных потерь, к моменту вступления в войну России легче бы от этого не стало. В этом случае России пришлось бы воевать на три фронта. На западе, на Кавказе и на Дальнем Востоке, и теперь уже Япония не стала бы нападать на германский порт Циндао, а совместно с немцами обрушились бы на Порт-Артур и Владивосток. В общем, все то же самое – затянувшаяся война, революция и все остальное дерьмо. – Последнее Антон произнес с таким видом, что, казалось, окажись сейчас перед ним кто-либо из тех революционных вождей, порвал бы как тузик грелку, причем голыми руками.

– Хрен редьки не слаще, – резюмировал Гаврилов. И зачем себе забивать голову, если даже в теории ничего нельзя изменить?

– В теории-то можно. Я в этом уверен, – успокоившись, произнес Песчанин.

– Интересно послушать, – оживился Старцев.

– Еще Ленин назвал гибель адмирала Макарова необходимой жертвой на алтарь революции, так как тоже предполагал, что, останься жив Макаров – и Россия победила бы в войне, и в этом случае революционные выступления не имели бы того размаха, который имел место быть, – начал говорить Антон. – Однако предположим, что адмирал все же погиб. В этом случае ярко раскрывается вся несостоятельность военно-морского командования, как оно и было на самом деле. А вот дальше не помешали бы кое-какие изменения. Предположим, что Стесель поручил командование на Цзиньчжоуском перешейке не генералу Фоку, а Кондратенко. В этом случае японцы не смогли бы разбить русские части, и даже более того – были бы сами разбиты наголову. Ведь даже в бою со всего лишь одним полком армия генерала Оку к концу дня была крайне истощена, а боеприпасов не оставалось практически никаких. Достаточно было нанести всего один контрудар – и японцы покатались бы назад. Я уже не говорю о том, что, командуй там Кондратенко, высадка японской армии под Бицзиво не прошла бы столь гладко. Десант в другом месте на Квантунском полуострове? Маловероятно. Хотя адмирал Макаров и погиб, в Порт-Артуре все еще находилась вполне боеспособная эскадра, и предположить, что нерешительность русских адмиралов дойдет до таких пределов, японцы просто не могли. Одно дело не препятствовать высадке десанта вдали, у Бицзиво, и совсем другое – у себя под носом, в непосредственной близости от крепости: это уже пахнет военным трибуналом. Таким

образом, японцы могли подойти к крепости не к концу июля, а только к осени. Защитники крепости получали фору во времени и могли значительно лучше подготовить оборонительные сооружения. В любом случае оборона крепости затянулась бы до подхода эскадры адмирала Рожественского.

Новиков-Прибой в своей книге «Цусима» расписал Рожественского как бездарного флотоводца. Но как следует из архивных документов, это соответствовало коммунистической пропаганде, но не соответствовало истине. Рожественский не был гением, но командующим был неплохим. Ему не достало времени, и элементарно снарядов, должным образом подготовить свою эскадру. Ведь большинство личного состава было резервистами. Его эскадра уступала японской как в вооружении, так и технически, и в подготовке личного состава. К тому же за прошедшее время японские моряки успели получить боевой опыт, которого не было у русских моряков. Поэтому, идя на прорыв через Цусимский пролив, Рожественский рассчитывал на то обстоятельство, что в ходе последних боев при помощи артиллерийского огня не было потоплено ни одно судно, кроме «Рюрика», что можно было считать исключением, но отнюдь не правилом.

Если же к моменту подхода эскадры Порт-Артур продолжал бы держаться, русский флот получал неоспоримое преимущество. В этом случае на месте адмирала Того я не рискнул бы выходить на бой с русскими. Для Рожественского не составило бы труда скоординировать действия двух эскадр, и у Того не было бы возможности разбить обе эскадры поодиночке.

В общем, огромный полет фантазии. Сказать наверняка что-либо трудно. Но сдаётся мне, что история России все же намного отличалась бы от той, которая нам известна. – Песчанин залпом допил остатки чая и, потянувшись, закончил: – Ладно, парни. Вахта по расписанию, ждем окончания шторма – и в район патрулирования.

Глава 2

В отпуск

– Ну что, морской волк, ты еще не угомонился? Просто чудо, что ты не разбил катер вдребезги и не погубил людей!

– Но, товарищ капитан первого ранга, в той ситуации я не видел другого выхода.

– Как это понимать?! Ты хочешь сказать, что тебя испугал шторм в шесть баллов, или наши катера не способны выдержать подобного волнения?!

– Но у меня не было такой информации. Была получена радиограмма о шторме в двенадцать баллов, а это верная гибель для такого малого...

– Я и без тебя знаю, что это значит! Щенок! Почему ты не связался с базой?! Почему не затребовал подтверждения?!

– Неполадки со связью...

– А какого хрена у тебя неполадки с радиостанцией?! Или за это тоже должны отвечать синоптики? Ты бы лучше за порядком на своем катере следил, а не принимал авантюрных решений, рискуя личным составом и казенным имуществом!

– Но все ведь прошло удачно, катер практически не пострадал.

Не скрывавший своего бешенства командир бригады с побагровевшим лицом молча взирал на вконец обнаглевшего каплея. Песчанин всем своим существом ощущал, что командир готов его испепелить или разорвать на кусочки. Что и говорить, на этот раз своей выходкой он превзошел самого себя.

Комбриг Первых в душе завидовал этому парню. Возможно, потому что сам никогда не обладал тем чутьем и мастерством вождения корабля, каким отличался командир 247-го, никогда не имел столь решительного и целеустремленного характера.

Еще когда молодой лейтенант Песчанин появился в городке, смущая красавиц своим неотразимым видом, а сослуживцев небывалым рвением в службе и сильной хваткой, комбриг сразу же обратил на него внимание. Песчанин обладал своенравным характером. Часто становился в пику начальству, за что многие не любили его. Но он был не просто способным парнем, а действительно обещал стать знающим офицером и достойным моряком. Даже недолюбливавшие его старшие офицеры всегда сходились к одному: если необходимо было сделать что-либо хорошо, то это нужно было поручить именно Песчанину, а затем без какого-либо контроля просто дожидаться доклада о выполнении поставленной задачи. Именно поэтому Первых и не позволял съесть молодого офицера. Несмотря на казалось бы враждебные отношения с комбригом, Песчанин стал самым молодым командиром катера и досрочно получил два месяца назад очередное звание.

– Значит, победителей не судят. Так тебя понимать, Песчанин? – сквозь зубы процедил Первых.

– Никак нет. Готов понести наказание, товарищ капитан первого ранга.

– Пошел вон. И чтобы через пять минут на моем столе лежал твой рапорт на отпуск.

– По графику в отпуск уходит мичман Гаврилов.

– Вместе уйдете.

– Но...

– Уйди, Песчанин, или я за себя не ручаюсь, – тяжело вздохнув, подвел итог беседе комбриг.

Песчанину вовсе не улыбалось уходить как побитой собаке – это было не в его правилах. Но что-то подсказывало ему, что на этот раз он и вправду превзошел самого себя и сейчас лучшешний раз не нарываться.

В приемной его встретила взволнованная секретарша, которая, как всем было прекрасно известно, сохла по подающему надежды каплею, однако Песчанин всячески старался избегать ее. Хотя Катя и не была разборчива в выборе методов, добиваясь руки и сердца своего избранника, Песчанину все еще удавалось избегать опасных мелей, и он удачно лавировал меж расставленных сетей.

– Ну что, Антон? – широко раскрыв свои большие голубые глаза, поинтересовалась Катя, не преминув окинуть его плотоядным взглядом.

– Все нормально, Катюша, – успокаивающе произнес он, отводя глаза в сторону. Ох уж эта Катя. Хорошо хоть у нее был пунктик насчет близких отношений до свадьбы, иначе вполне возможно, что Песчанин уже получил бы торпеду ниже ватерлинии, со всеми вытекающими.

Присев к ее столу, он быстро написал рапорт на отпуск и попросил Катю занести рапорт на подпись командиру. Как ни решителен был Песчанин, но даже он не пожелал лишней раз попадаться на глаза комбригу. Через минуту Катя вышла из кабинета и протянула ему подписанный рапорт. Небывалое событие. Минувя все промежуточные звенья, Первых подписал рапорт на отпуск уже с завтрашнего дня – формально Антону даже не требовалось сдавать дела своему старпому, так как Катерина уже начала верстать приказ об отпуске Песчанина и назначении временно исполняющим обязанности командира катера Старцева.

Несколько успокоившись, комбриг вызвал к себе Старцева и приказал к вечеру принять все дела у Песчанина. Все возможные неурядицы Первых обещал разрешить самолично, от Старцева требовалось только в кратчайшие сроки принять катер. Комбрига многие недолюбливали, но знали, что он хозяин своего слова, поэтому Старцев в пять минут принял все дела, которые, впрочем, и так были в полном порядке.

После Старцева в кабинет был вызван начальник финансовой службы.

– Петр Сергеевич, выплаты все, что положено, Песчанину, чтобы уже завтра духу его не было на острове. Пускай пару месяцев покувыркается на материке, иначе я за себя не ручаюсь.

– Но вместе с ним уходит Гаврилов?

– Рассчитай и его.

– Но я не могу так сразу. Нужно заказать деньги на данную статью, а когда их пришлют, неизвестно. Вы же знаете, какие сейчас времена.

– Я знаю, что из-за отсутствия денег офицеры у нас в лучшем случае получают отпускные к концу отпуска, а сам отпуск в родном городке – так давно уже за здравствуй, но если я увижу этого мальчишку в ближайшее время, то, клянусь, застрелю его. Возьми с любой статьи, потом восполнишь.

– Я все сделаю, Олег Николаевич.

Глава 3

Встреча, изменившая все

Владивосток встретил двух моряков-пограничников ясным солнечным днем. Хотя город и не был похож на тот, родной, который знал Антон еще с детства, с нынешним запустением и грязными улицами, озлобленными недостатком средств и невозможностью купить самое необходимое прохожими, все же он разительно отличался от хиреющего все больше с каждым годом и убогого военного городка.

Теплое солнышко согрело владивостокских красавиц и нарядило их в соблазнительные наряды – что поделать, женщины есть женщины, и как бы плохо ни приходилось, они считают своим долгом выглядеть хорошо. От этого зрелища Гаврилова попросту взяла оторопь, и по душе разлилась приятная истома, подогреваемая к тому же деньгами, оттягивавшими ему карманы.

– Да-а-а, командир, уходить с тобой в отпуск одно удовольствие. Все задолженности до последнего медяка выплатили, да еще и в рекордные сроки.

– Кому как. Чувствую, что на этот раз серьезно достал старика. Что-то будет, когда вернусь из отпуска?

– Брось, Антон. Ты не хуже любого знаешь, что старик в тебе души не чаёт, потому и отправил с глаз подальше, чтобы под горячую руку не четвертовать. Пока вернемся, перебесятся, – убежденно резюмировал Семен.

– Все, больше никогда не буду спорить с командиром и устраивать выкрутасов.

– Ага. Зарекалась коза не ходить в огород. Ладно, какие планы, командир?

– Думал сразу домой, к родителям. Но коли уж мы вместе оказались на материке, да еще и при деньгах... Как насчет ресторана?

– Идет. Только вот вещи давай-ка в камеру хранения, не то с сумками в ресторан...

Сказано – сделано. Уже через полчаса молодые люди удобно устроились за столиком уютного ресторанчика, каких во Владивостоке в последнее время появилось довольно много. Они с жадностью набросились на фирменные блюда, обильно заливая их «Абсолютом». Водка пришлась им по вкусу – не чета той дряни, что приходилось пить им на острове. В общем, пито было немало.

Уже ближе к полуночи в зал ресторанчика ввалилась толпа молодых парней крепкого телосложения в спортивных костюмах и коротких стрижках. Быки были уже навеселе, но маленькие глазки еще не стали осолопевшими, а даже, наоборот, светились недобрым блеском. Для завершения столь удачно начатого вечера парням не хватало только двух вещей, а именно – набить кому-нибудь морду и упасть в постель со смазливенькой девочкой. Это было написано на их лбах аршинными буквами.

Парни всем своим видом выказывали пренебрежение к окружающим, вели себя не просто по-хамски, а вызывающе. Однако все их потуги пропадали впустую. Никто не желал призывать их к порядку, и вообще все в ресторане делали вид, что ничего особенного не происходит.

Проходя мимо моряков, один из «пацанов» нагло присел за их столик и, взяв рюмку Песчанина, залпом опрокинул ее себе в рот, после чего, нагло ухмыляясь, устался на Антона.

– Хороша? – поинтересовался Антон у быка.

– Ага, – нагло ответил тот.

– На здоровье. А теперь я попросил бы тебя оставить нас.

– Ты че хочешь сказать, мариман?

– То, что у нас с другом серьезный разговор, и он не для твоих ушей.

Сказано это было столь спокойным и ничего не выражающим тоном, что бык почему-то сразу уверился в том, что с этими моряками не стоит связываться не то что ему, но и всей их

кодле. А быстрый взгляд на покрасневшего от натуги едва сдерживавшегося Гаврилова только лишний раз подтвердил правильность этого вывода. Мозгов в этой бритой голове было не так много, но инстинкт самосохранения из быка пока еще выветрился не полностью.

– Значит, базар между братанами, – решил все же сохранить лицо бык.

– Точно, – подыграл ему Песчанин.

– Это свято. Это уважать надо. Отдыхайте.

С этими словами бык поднялся и, замявшись на секунду, все же задвинул стул на место. После чего кивнул – мол, бывайте – и направился к своим дружкам, которые в это время уже привязались к маленькой компании в углу зала. Похоже, что у парней дела шли на лад, да и мужики там были поплюгавей.

– Спасибо, командир. Я бы так не смог, – пророкотал Гаврилов. – Терпеть не могу эту шваль. Каждый раз, как бываю на материке, попадаю в милицию – а потом пол-отпуска на губе.

– Из-за этого тебя поперли из пловцов?

– В общем, и из-за этого тоже. Боевой пловец должен отличаться выдержкой, а я псих. Ну и командование... При Советах в такие подразделения абы кого по благу не засовывали. Ты либо пловец, либо делать тебе здесь нечего. А теперь... – Гаврилов только безнадежно махнул рукой.

В это время из угла зала слышались звуки словесной перепалки, быстро переросшей в потасовку. Песчанин чисто машинально взглянул в ту сторону, так как вмешиваться не собиравшись, потому что был уверен, что это не какой-либо посетитель решил урезонить хамов, а как раз наоборот – они нашли-таки повод дать кому-то в морду. Целый ресторан посетителей, добрая половина из которых мужики, – и шестеро расхристанных молодчиков диктуют им свои условия. Идиотизм. Если бы нашлись хотя бы те, кто хоть словесно попытался урезонить быков, он непременно его поддержал бы, но таковых не обнаружилось.

В поле его зрения попало мелькнувшее на мгновение в воздухе барахтающее руками и ногами тело мужчины в костюме. Но как ни краток был этот миг, Песчанин все же сумел рассмотреть в этом совершающем экзотический кульбит мужчине своего однокашника Звонарева Сергея.

– Не знаю, как ты, Гризли, но я, пожалуй, вмешаюсь, – поводя плечами, проговорил каплей.

– Оно тебе надо? Ведь хорошо сидим.

– Надо, Гризли, – поднимаясь из-за стола, резюмировал Антон.

Так уж случилось, что его однокашник и друг Сергей Звонарев, будучи не робкого десятка, абсолютно не умел драться, считая, что кулаки – это последний и далеко не самый умный довод. Но когда доходило до дела, а в особенности правого, никогда не отсиживался за спиной у товарищей, правда, всегда получал практически первым и всегда первым выпадал в осадок. Сложилось так, что в их дружной паре Сергей выступал с умственной стороны, а Антон с физической. Нет, Песчанин не был неуспевающим, а в том, что касалось специальных дисциплин, так и вовсе отдавался весь без остатка, но все же... Вот и сейчас Сергей оказался первым и единственным, кто не пожелал мириться с хамством: в том, что он сам попер на быков, Антон не сомневался.

Гаврилов, тяжело вздохнув, с сожалением осмотрел заставленный всяческой снедью стол и нехотя двинулся за командиром. При этом в его глазах была такая злоба, что, взгляни в них быки, они поспешили бы ретироваться из ресторана. А чего вы хотите, когда такой вечер псу под хвост?

Быков было шестеро. Хороший счет, если учесть, что их жертвы уже находились в отключке. То, что произошло дальше, буквально заморозило всех присутствующих в ресторане. Мелькали конечности, отлетали, словно мячи от стенки, быки, раздавались звуки хлестких ударов, стоны, вопли боли и надсадная брань, звон бьющейся посуды и треск ломающейся

мебели. Все это продолжалось сравнительно недолго – не больше минуты, а затем вдруг настала звенящая тишина. В углу зала на ногах оставались стоять только двое моряков, возвышаясь посреди хаоса из бесчувственных тел, лежащих вперемешку с битой посудой, опрокинутой и раздавленной едой, разбитой в хлам мебелью.

– Ну что, командир, пошли?

– Только расплатимся. Официант, счет. – Сунув Гаврилову пачку денег, чтобы он уплатил и его долю, Антон подошел к приходящему в себя Звонареву. Тот сидел на пятой точке и, трясая головой, пытался реставрировать произошедшие события. Наконец он сумел сфокусировать взгляд на подошедшем к нему парне в военно-морской форме.

– Антон?

– Здравствуй, Сережа.

– Ты как...

– Потом, все потом. Давай быстрее, не то сейчас менты понаедут – и погорел мой отпуск.

Звонарев ни за что не захотел отпускать своих спасителей и уговорил их завернуть к нему домой. Благо и повод был весомый: с Антоном они не виделись с самого выпуска. Потом, благодаря их вмешательству обидчики были повержены, а он, Сергей, отмщен. В общем, все было за то, чтобы продолжить банкет, вот только место сменить.

Квартира была однокомнатной и обставленной по-спартански – ничего лишнего, только то, что могло пригодиться для жизни одинокого холостяка. Впрочем, в углу примостился довольно неплохой компьютер. Это обстоятельство несколько удивило Антона. Нет, Сергей и в училище отличался тем, что преуспевал в области информатики и был несколько помешан на электронике, но выкинуть деньги на столь дорогую игрушку...

После второй рюмки потянуло на разговор. Гаврилов дипломатично налегал на еду, давая возможность старым друзьям наговориться вволю.

– Значит, так у тебя сложились дела, Антон. Ну, у меня все гораздо проще. Лаконичное название части, куда я попал по распределению, означало всего лишь навсегда оборонный завод, при котором имеется секретное конструкторское бюро.

– Ты не много выпил, Сережа? – вдруг всполошился Антон. Трения с особым отделом ему были ни к чему – тут не только загубленным отпуском пахнет.

– Нет. Не переживай, никаких тайн я выдавать не собираюсь. Пока я, так сказать, на ознакомительном этапе. Знакомлюсь с тем, что уже известно, к новейшим разработкам допуска не имею. Да и контролирую себя.

– А как ты вообще оказался в конструкторском бюро?

– Ну, на заводе я работал по командной части. Просто я в этом году заочно закончил радиоэлектронный. Тут, вертеться вокруг всех этих секретов, хочешь – не хочешь, а что-нибудь да услышишь. Вот и услышал я как-то, что у яйцеголовых что-то там не клеится. Извини, в подробности вдаваться не буду. – Антон понимающе кивнул. – Сидел как-то ночью и так, ради интереса, решил покумекать, увлекся – и через несколько дней накумекал. Когда однажды ко мне в канцелярию с какой-то жалобой ввалился яйцеголовый кап-два, я сидел над своими чертежами, и что-то его в них заинтересовало. Он посмотрел, задал пару вопросов и вышел. Я так и не понял, зачем он приходил, а через десять минут ко мне ввалились несколько особистов и без лишних церемоний скрутили меня, выпотрошили мои сейф и стол. Такой же погром устроили и дома. Оказывается, я сдуру умудрился набросать принципиальную схему новейшего вооружения, находящегося на стадии разработки. Ну никак особисты не хотели поверить в то, что я никакой не иностранный резидент и что сам дошел до этого.

– И как же ты выкрутился?

– Повезло. У яйцеголовых один узел никак не мог склеиться, а в моих чертежах именно с ним-то все было в полном порядке. Понимаешь. Даже если я все остальное и сдул с секретных чертежей, то этот узел никак не мог свистнуть, так как его-то у них и не было. В общем,

система сейчас находится в стадии завершения, а меня – под подписочку и от греха подальше в подчинение тому самому кап-два.

– Действительно повезло.

– Чудны дела твои, Господи, – вынес свое заключение Гаврилов. – Ну, за благоприятный исход текущего мероприятия.

Выпили. Добавили. Повторили.

– Ты говоришь, чудны дела, – пьяно обратился к Гаврилову Сергей. – Это разве чудеса, вот у нас за городом действительно чудеса происходят.

– Какие такие чудеса? – не проигнорировал слов Звонарева мичман.

– Аномальная зона.

– Чего-о?

– Аномальная зона, говорю. Я сейчас увлекаюсь в свободное время всякими паранормальными явлениями. А что, – начал он заводить на невысказанное вслух сомнение собеседников, – со всякой электронной лабудой теперь на работе не продохнуть, это теперь не хобби, а просто работа – интересная, но работа, – вот и увлекся, так сказать, в качестве хобби.

– Ерунда все это, – вынес свое заключение Антон.

– Возможно. Но только тогда ты мне ответь: Бермудский треугольник – тоже ерунда? А пропадающие то там, то здесь самолеты и попросту люди? Вы скажете, пришельцы. Ладно. Но во всех этих случаях прослеживается определенная закономерность. Понимаете, по всей Земле проходят различные энергетические линии, природа которых пока не изучена. Иногда это просто ручейки – их называют линиями, – иногда это настолько мощные потоки, что их иначе, как магистралями, не назовешь. Так вот эти линии и магистрали неизбежно пересекаются, образуя целые узлы. В местах же, где пересекается несколько линий, образуются очень сильные узлы, а если пересекаются магистрали, то там энергия буквально бурлит. Вот в таких местах зачастую и пропадают люди и другие объекты, например самолеты или корабли. И вот именно такое место я и обнаружил неподалеку. По моим прикидкам, здесь сходится не менее четырех магистралей.

– Неувязочка, – пьяно улыбнулся Антон. – Если здесь неподалеку такая аномальная зона, то почему я ничего не слышал о том, что в этом районе часто пропадают люди? А ведь я вырос во Владивостоке.

– Не знаю, но я могу только предполагать. К примеру, чудовищный выброс энергии происходит только в том случае, когда три и более магистрали фокусируются в одной точке, и в этом случае тот, кто оказался в фокусе, просто исчезает.

– Куда?

– Понятия не имею.

– А я предлагаю выяснить это прямо сейчас, – вновь вклинился в беседу Семен. – Ты же говорил, что эта самая ано-ма-льна-я зона где-то рядом, – пьяно, с запинкой выговорил он непривычное слово.

– Ну?

– Ну, так пойдём и поглядим. А как ее мо... можно увидеть?

– У меня есть прибор, который фиксирует колебания магнитных полей. Сам сконструировал, – гордо заключил Сергей.

– Бери.

Как говорится, пьяному море по колено. Спать не хотелось, а заняться в столь поздний час было нечем. Через полчаса друзья уже подходили к какому-то пустырю, расположенному неподалеку от дома Звонарева, на окраине Владивостока.

Аномальная зона оказалась на редкость загаженным местечком, а попросту – стихийной свалкой, до которой властям не было ровным счетом никакого дела. А до чего было им дело вообще, если уже центральные улицы буквально утопали в грязи?

Сергей достал небольшой приборчик и стал что-то сбивчиво и пьяно объяснять, тыкая пальцем в шкалу, по которой прыгала стрелка, никак не желая замирать на одном месте. Антон с Семеном на пару гоготали во всю мощь своих легких, и наконец Сергей присоединился к ним. Никто, разумеется, не стал вглядываться в шкалу и стрелку, которая начала бесновато прыгать то влево, то вправо. Вдруг она метнулась в крайнее правое положение и, дрожа, замерла, словно порываясь проследовать дальше, но ей мешал ограничитель, – а затем трех молодых парней накрыла темнота.

Часть вторая Лето – осень 1898 года

Глава 1 Прошное?

Голова болела так нестерпимо, что в начинающем наконец оживать мозге билась только одна мысль: вчера явно было немало выпито лишнего – иначе никак, потому что такого мучительного похмелья у Антона не было даже от той сивухи, что приходилось пить на острове.

Антон попытался подняться, и это ему с трудом удалось: перед глазами поплыли круги, но вскоре полегчало, и он наконец смог сфокусировать зрение. В паре шагов от него на земле сидел Гаврилов и словно медведь тряс головой – вероятно, и у него похмелье протекало ничуть не лучше, что в общем-то было весьма странно. Мичман никогда не мучился похмельем даже после сильного перепоя.

Сзади обнаружился Сергей, который также начал приходить в себя и зашевелился. Наконец с большим трудом ему удалось приподняться и ничуть не менее интенсивно, чем Гаврилов, потряхнуть головой, отчего пожелтевшая хвоя слетела с его волос... Хвоя?!

Антон быстро огляделся и, не веря самому себе, увидел вокруг стену хвойного леса. Бред. Этого не может быть. Они просто не могли забраться так далеко за город. Он точно помнил, что они вышли на пустырь, где, как утверждал Сергей, находится какая-то аномальная зона.

– Командир, а где это мы? – мучаясь головной болью, прохрипел Гаврилов.

– Хороший вопрос.

Когда все наконец пришли в себя, собиравшиеся приняли решение подняться на вершину сопки и там уже сориентироваться по дальнейшему маршруту, так как ни тропок, ни дорог поблизости не наблюдалось.

По счастью, вершина сопки оказалась голой, и ничто не закрывало обзора. Занимающееся утро на удивление было ясным, прохладный воздух – абсолютно прозрачным. На соседней сопке раздался недовольный рык медведя, повсюду слышался неумолчный щебет птиц.

Внизу, на берегу бухты, раскинулся город средних размеров. В самой бухте расположилось несколько десятков судов различного водоизмещения – как военных, так и гражданских, – которые лениво коптили небо. Между этими судами то и дело сновали юркие маломерные суденышки, многие были под небольшими парусами, иные просто весельные – меньше было паровых, с низко стелющимся за ними темным дымком.

Трое молодых людей молча созерцали открывшуюся перед ними панораму, не обращая никакого внимания ни на доносящиеся различные звуки, ни на прохладный ветерок, заставивший их покрыться гусиной кожей.

– Та-а-ак. Началось в колхозе утро, – наконец взволнованно прохрипел Гаврилов.

– Гризли, не рычи. – Песчанин пытался тряхнуть головой, но наваждение и не думало исчезать. – Сергей, поясни.

– Кажется, получилось.

– Что получилось? – взволнованно спросил Антон.

– Ну, аномалия каким-то образом сработала.

– И что теперь?

– Не знаю, – растерянно пожав плечами, ответил Звонарев, если это вообще можно было воспринимать как ответ.

– Погоди-погоди. Что значит «не знаю»? Что это все значит? – бросив на Звонарева озабоченный взгляд, поинтересовался Антон, не в состоянии что-либо понять.

– Мы – здесь, и это факт. В массовый психоз, а тем паче в массовые галлюцинации я не верю, а значит, нас куда-то выбросило. Куда?

– Та-а-ак...

– Погоди, Гризли. Значит, твоя аномальная зона каким-то образом сработала, и нас выбросило из нашего времени в прошлое.

– Не совсем так. На пустыре действительно что-то произошло, и нас вырвало из нашей реальности и выбросило сюда, но прошлое это или параллельный нашему мир – вопрос. Черт, да это же прорыв в мировой науке! Если это прошлое, то нам можно оставить сообщение для самих себя и в будущем можно будет, основательно подготовившись к этому событию, нагнать ученых, оборудования и изучить это явление глубоко и всесторонне...

– Очнись, Сережа. Какой к едрене матери прорыв. Мы черт его знает где, и что нас ждет в будущем, одному богу известно.

– Слушай, академик, давай-ка открывай все назад. Мне здесь не нравится. Якорная цепь!..

Голос Гаврилова прозвучал довольно категорично, и его тон не предвещал ничего хорошего. Казалось, что одетый в тельняшку человек-гора вот-вот набросится на худощавого Звонарева и растопчет его. Быстро оценив ситуацию, Песчанин поспешил занять позицию между ними:

– Ша, Гризли. Мы сейчас не в том положении, чтобы выяснять отношения.

– А ты меня не тормози! Ты что же – думаешь, что находишься на корабле и вот так запросто меня урезонишь?

Песчанин видел, что Гаврилов сейчас не в себе и достаточно одной искры, чтобы он взорвался, а чем это чревато, ему было прекрасно известно. Необходимо что-то срочно предпринимать, пока все не зашло слишком далеко и пока Гаврилов мог хоть как-то контролировать себя.

– Лады. Твоя взяла. Но учти, что просто избить Сергея я не дам. Конечно, моя рукопашка против тебя слабовата будет, но без драки не обойдется. Только скажи мне, Семен: а чем это нам поможет? – Гаврилов продолжал сверлить Антона свирепым взглядом, но действий пока никаких не предпринимал. Песчанин решил воспользоваться ситуацией по максимуму, пока такая возможность еще существует: – Ну, полегчает тебе ненадолго. А дальше-то что? Нам сейчас, чтобы выжить, вместе держаться надо. Говоришь, субординация не работает? Добро. Только учти, что мы с Сергеем автоматически виснем на твоей шее: командуй.

Антон все рассчитал точно. Гаврилов мог рискнуть собой в самой безнадежной ситуации и практически мгновенно ориентировался в любой боевой обстановке, но панически боялся ответственности за других. Иными словами, всеми правдами и неправдами старался избегать командования людьми.

– Я – это... Ну, в общем...

– Я слушаю тебя. Какое решение ты принял? Мы выполним его.

– Брось, командир. Все. Я в норме. Только вот хочется кого-нибудь порвать.

– Начнешь прямо сейчас или обождешь немного?

– Я же сказал. Я в норме.

– Добро. Как считаешь, где мы? – решил Антон перевести разговор в конструктивное русло.

– К гадалке не ходить – во Владивостоке, – зло пнув заросшую травой землю, буркнул гигант и добавил одними губами еще пару ласковых.

– Вот и я так думаю. Я родился во Владивостоке и ни с каким другим местом его не спутаю. Ну а на подножии этой сопки, по всей видимости, впоследствии будет построен дом Сергея.

Звонарев осмотрелся по сторонам и, мысленно прикинув, кивнул Песчанину, соглашаясь с его правотой.

– Судя по очертаниям, там в бухте находятся крейсера «Рюрик» и «Россия», – между тем продолжал Антон. – Последний построен в одна тысяча восемьсот девяносто шестом году. Так как «Рюрик» все еще в гавани, а не на дне, то мы имеем период с девяносто седьмого по одна тысяча девятьсот четвертый год. Вот пока и все, что я могу сказать. Теперь самое главное. Нам необходимо определиться – какой сейчас год, параллельный это мир или прошлое нашей Земли. Насколько история этого мира отличается от нашей. Но самое первоочередное – это средства к существованию. Я думаю, золото – это самая твердая валюта всех времен и народов. Прикинем наши возможности.

Антон сам себе поражался. Конечно, хотелось рвать и метать, да только этим делу не поможешь. Возможно, сказалось и то, что он не раз и не два мысленно прорабатывал варианты своего попадания в прошлое и то, что он сделал бы, окажись все это реальностью. Опять же множество прочитанных книг на тему попадания в иные миры наших современников все-таки несколько сгладило неправдоподобность ситуации и позволило мыслить, так сказать, позитивно.

В наличии оказались золотая печатка Песчанина, крестик на тонкой цепочке и два зуба Звонарева, а также довольно массивная цепочка на шее Гаврилова, чему немало удивился Антон:

– Откуда дровишки? Вроде не новый русский...

– Так я же с Магадана, на приисках подрабатывал. Вот справил на черный день. Сам говоришь: валюта интернациональная.

– Антон, а при чем здесь мои зубы?

– Ну, если что, то тоже какой-никакой, а актив. Гризли, отставить, – взглянув на потирающего здоровенный кулак Семена, одернул того Песчанин. – Нам только морды сейчас друг другу чистить.

– Так я же как лучше, командир, – вздохнул мичман. – Сереге к зубодеру не идти – страсть как их боюсь, – а я бы раз – испугаться не успел бы, ювелирную работу гарантирую, нам актив в копилку, ну и я бы душу отвел.

– Вон по сосне отработай – глядишь, и полегчает.

– Ага. По ней отработает. Ну что, пошли, что ли?

– Пошли уж.

Глава 2

Первая кровь

Трое молодых людей на улицах Владивостока, одетые в несколько странную одежду, не вызывали ровным счетом никакого удивления – вернее, если оно и было, то его старались не выказывать. Очень напрягало отсутствие головных уборов. Оказывается, здесь все поголовно носили либо различные шляпы, либо картузы, и, будучи с непокрытой головой в подобном окружении, трое путешественников во времени чувствовали себя неуютно, так как явно выбивались из общего фона.

Антон обратил внимание, что язык несколько отличается от того, что принят в матушке-России конца двадцатого века, ну да это и неудивительно. Иногда он ловил себя на мысли, что теряет нить разговора из-за непривычных оборотов речи, построения фраз или при применении слов, которые в их современности попросту выпали из оборота или были заменены другими. Подобные же трудности при общении с ними испытывали и их собеседники.

Когда они заговаривали, их говор отличался от местного настолько, что на них невольно обращали внимание, но не так чтобы пристально, – ну да какого только народу нет во Владивостоке, а Россия-матушка куда как велика.

Золото продали без проблем – ювелир предложил вполне приемлемую цену. Возможно, что он их обобрал, и скорее всего так и было, но друзьям выбирать не приходилось, так как цен они все едино не знали.

Через каких-то два часа после появления в городе у них в кармане уже лежали пятьдесят рублей. Сумма весьма неплохая, если учесть, что корову в то время можно было приобрести за десять. По настоянию Гаврилова решили перекусить в одном из трактиров, правда, просьбу Семена о дегустации водки царских времен отменили начисто.

Потом посетили лавку, где прикупили по картузу: что ни говори, а привлекать к себе излишнее внимание непокрытой головой не хотелось – и без того они сильно не вписывались в окружение. Купили и один пиджак с накладными карманами, для Звонарева, чему тот сильно удивился, так как после этих покупок и трактира денег оставалось не так чтобы много. Но на Звонарева у Антона были кое-какие планы, так что карманы ему скоро понадобятся.

После всех этих манипуляций Песчанин ненадолго посетил еще какую-то лавку, из которой вышел, улыбаясь во все тридцать два зуба, сохраняя загадочный вид.

– Сережа, ты не помнишь, как мы однажды оплатили посиделку в ресторане на твой день рождения? – лукаво поинтересовался он.

– Это было не один раз, но в первый, – чувствуя подвох, подозрительно поправил друга Звонарев.

Антон, заговорщицки подмигнув, раскрыл ладонь и показал три наперстка и бусинку.

– Придется повторить.

– Антон, прекрати. Тогда мы были совсем салаги, – тут же поняв, куда клонит Песчанин, возмутился Сергей.

– Брось. Мы не так уж и сильно повзрослели. А потом, тогда нам хотелось пошиковать, а сейчас нам необходимо выжить. Так что выхода у тебя нет.

– Может, ты блеснешь своей игрой на бильярде? – предложил Звонарев, все еще надеясь, что ему не придется катать в наперстки.

– Не выйдет. Во-первых, у нас не тот прикид, чтобы мы могли пройти в приличное заведение, а во-вторых, денег не так уж и много. Так что идем на рынок – или взваливай на себя руководство группой.

Гаврилов, услышав это, приснул в кулак, но деликатно отвернулся, чтобы не нервировать Сергея, испытывая перед ним чувство неловкости из-за своей попытки покуситься на его зубы.

– Что ты постоянно шпыняешь – «станешь главным, станешь главным» – то Семену, теперь мне. А вот возьму и соглашусь, – недовольно пробурчал Сергей, но затем, вздохнув, взял наперстки. – Учти, я этим уже давно не занимался, так что и в трубу вылететь можем, ну и если застукают – одна надежда, что отобьете, я боец никакой.

– Да знаю я, знаю. Но кто сказал, что мы вот так сразу ринемся отыгрывать заработанное тяжким трудом? Потренируешься.

Отыскать тихий переулок не составило особого труда. Так что, забившись в какой-то угол между то ли сараями, то ли непримечательными домиками – они особо не вдавались в подробности, – трое горемык начали увлеченно играть в наперстки. Вернее, играли двое, Звонарев же, потев от натуги, пытался всячески их обыграть, шельмуя с маленькой бусинкой то так, то эдак. К слову сказать, получаться начало далеко не сразу – что ни говори, но навыки Сергей подрастерял. Примерно через два часа Звонарев вдруг почувствовал, что напряжение его отпустило, руки сами собой вспомнили то, чем некогда занимались, а Песчанин и Гаврилов неожиданно осознали, что уже не в состоянии уследить за неуловимой бусинкой, которая всякий раз оказывалась не там, где должна была быть.

Рынок встретил их шумом и гамом, столь характерным, что он мало изменился за прошедшие сто лет, – вернее, он очень походил на тот, что они застали, еще будучи курсантами, в эпоху дикого капитализма. Впрочем, пожалуй, даже тот был потише, потому что там если слышались голоса зазывал, то не так часто и густо, как на этом. Отовсюду раздавались крики, нахваливающие тот или иной товар, этакая реклама, не нуждающаяся ни в каком громководителе, визгливые бабьи голоса то и дело перекрывали мужские, потом все повторялось с точностью до наоборот. В общем, то, что надо: народу полно, все с какой-никакой монетой – кто же на рынок пойдет без денег? – гуляй не хочу.

Предприятие оказалось довольно выгодным, хотя его-то никто не рекламировал: незачем. Достаточно было Звонареву усесться, устроив на коленях кусок доски, а Антону сыграть для затравки пару партий, как люди сами потянулись к наперсткам. В лохах недостатка не было – что поделать, такова натура человеческая: вот хочется поймать золотую рыбку – и все тут. Звонарев честно расплачивался с теми, кто выиграл, угадывая, под каким наперстком находится бусинка, но не забывал забирать деньги у проигравшихся. Выигрывавших он со вздохом называл глазастыми и как бы терял к ним всякий интерес, стараясь завлечь в игру других, но победителей это не устраивало: кто же откажется от возможности заработать, когда везет?

Однажды к обступившей Звонарева толпе попытался приблизиться городской, но Песчанин успел его перехватить. Не говоря ни слова, он сунул в руку стража порядка десять рублей, и тот, погрозив пальцем, но так, чтобы никто не видел, ретировался охранять порядок в стороне от играющих.

Антон поражался сам себе. Ведь когда они катали в курсантские годы, то всякий раз воровато оглядывались, а о том, чтобы сунуть мзду милиционеру, не было и речи. Едва стражи закона приближались к ним, как они тут же сворачивали свое предприятие и стремились побыстрее смешаться с толпой. Правда, когда на них попытались наехать из рыночной братвы, Антон не растерялся и тут же вступил с ними в диалог – в весьма нелicenseприятный, надо заметить, диалог. Позже состоялась обстоятельная беседа с группой поддержки. Однако бригадир братвы, узнав, что ребята не занимаются этим на профессиональном уровне, а только решили подкалымить, чтобы сводить девчат в ресторан, милостиво махнул на них рукой – мол, дело молодое, чего уж там.

Здесь дело обстояло иначе. Антон даже на секунду не задумался, идя на пересечку городовому, прикрывая друга. Возможно, причина была в том, что он не воспринимал себя представителем этого мира, взирая на него как-то со стороны. Это-то чувство помогало ему и впоследствии. Отчего-то у него сложилось ощущение, что он может позволить себе наплевать на существующие законы – не в открытую, но все же.

За ужином в трактире выяснилось, что вместе с их первоначальным капиталом в наличии имеется сто пять рублей – ассигнаций было совсем немного, в основном мелочь. Вполне приемлемая сумма, если не сказать больше. Да-а, велика сила игры. Еще в прошлом, когда Песчанин со Звонаревым катали на рынке, он обратил внимание на то, что люди готовы были и играли буквально до последнего медяка, причем чем меньше денег было у игрока, тем азартнее он оказывался, спуская последние крохи; чуть не половина играющих были женщины, уже за сорок, которых, казалось бы, жизнь давно должна была научить быть сдержаннее, – как бы не так. Как видно, предки не больно-то отличались от своих потомков как в смысле жадности, так и в плане дурости.

Прибыток был весьма солидным, а если судить по покупательной способности, так и вовсе зашкаливал все мыслимые пределы: столько выигрывать за один день друзьям еще не доводилось. Но все же было решено, что назавтра Звонарев повторит свой подвиг, так как денег все же показалось маловато. Что ни говори, а аппетит приходит во время еды.

Ночевать решили в ночлежке неподалеку, расположенной в глухом переулке. Однако когда они вступили на темную пыльную улицу, дорогу им заступили трое мужчин характерной блатной наружности – почему-то они весьма похожи друг на друга что в этом времени, что в будущем. Сзади появились еще трое, ничуть не приветливее первых.

– Здорова, кореша, – заговорил самый рослый. – Нехорошо получается. Пасетесь на нашей земле и о нас не вспоминаете...

– Откуда же нам было знать, что это ваша земля? – спокойно ответил Песчанин, припоминая, что двоих из них он приметил еще на рынке возле играющих, и еще тогда они ему не понравились.

– Надо было поинтересоваться. А то ведь вот как теперь получается, – горько вздохнул лидер местной братвы.

– И сколько мы должны вам положить?

– Штраф, вступительный взнос, ежедневная доля.

– И сколько набежало?

– Сто рубликов, – делано разведя руками, подвел итог здоровяк. – Да не журишь. Это ж из-за неуважения столько набежало. А так каждый день будете отдавать по двадцатке.

– У меня есть предложение. Вы сейчас линяете – и мы забываем, что видели вас.

– Ну-у, зачем же так грубо. Вы двое, конечно, ребята здоровые, да только ваши не пляшут... – Главарь, нагло ухмыльнувшись, кивнул на своих сопровождающих.

– Сергей, отойди в сторону, – прошипел сквозь зубы Антон.

Звонарев молча и быстро повинился, как это часто бывало еще в их бытность гардемаринами. Что и говорить, драка – это не его конек, вот точные науки – это да. Тем не менее весь его вид говорил о том, что он готов в случае необходимости прийти на помощь товарищам: как ни верти, но трусом Звонарев не был никогда.

– Гризли, гаши, – тихо бросил Песчанин и тут же бросился к стоящей перед ними тройке. Семен словно перетек из одного положения в другое – и тут же набросился на задних.

Все кончилось за минуту. Перед Антоном лежали двое бесчувственных, один, тихо постанывая, зажимал живот. Песчанин обернулся к Гризли. Там тоже было все кончено, но находившийся целый день на пределе нервного напряжения богатырь не смог сдержать инстинктов боевого пловца. По неестественному положению тел было ясно, что живых там нет. Сам Семен стоял, неловко переминаясь с ноги на ногу.

– Прости, командир. Я, кажется, того... Перестарался, – разведя руки, произнес здоровяк.

– Семен, убийство – и здесь убийство.

– Да я-то что... Они ножи достали.

Взвалив одного из лежавших без чувств на плечо, Песчанин направился по узкому проулку, бросив на ходу:

– Сергей, за мной. Гризли, обруби концы.

– Есть, командир. – Двумя резкими движениями мичман скрутил шеи бандитам, как курятам, и припустил за своими спутниками.

На отдых остановились только за городом – все это время Антон и Семен попеременно несли своего пленника. Здесь выяснилось, что, как ни спешил Гаврилов, карманы убитых осмотреть успел: набежало шестьдесят рублей с мелочью.

Наконец пленник стал приходить в себя. Устроившись поудобнее, Песчанин потер руки и, игриво улыбнувшись, обратился к уже связанному джентльмену удачи:

– Ну что же, хлопчик, давай поговорим... – Пленник затравленно поглядывал на громил, уработавших его товарищей. – Да ты не бойся. Сразу не убили, как твоих дружков, – может, и жив останешься. Понял?

– Чего ж тут не понять-то, – угрюмо бросил тот, сразу поверив, что его подельники мертвы, и, особо не надеясь на благоприятный исход, все же решил воспользоваться шансом. Кто знает, может, и подфартит – он вообще считался везунчиком. Вот и сейчас: вроде и положение не из лучших, но с другой стороны, его подельники мертвы, а он – вон жив... Пока.

– Вот и ладненько. Сколько человек нас пасло?

– Двое.

– А сколько знало о том, что вы хотите нас пощипать?

– Только мы шестеро. Шершень сказал, что незачем много народу подтягивать, шестерых за глаза. Он бы и меньше с собой взял, но больно ему не понравился тот большой...

Антон понимающе кивнул: Семен внушал уважение с первого взгляда. Конечно, слегка разочаровало то, что его самого в особый расчет не брали, ну да это их проблемы.

– А сколько человек в ватаге?

– Двенадцать. Было.

– И кто теперь станет за главного?

– Жив останусь – я.

– Вот и ладно. Только уговор: ты нас не видел. Что произошло с друзьями, не знаешь. Я надеюсь, это тебе под силу? Прекрасно. Как мы сможем тебя найти?

– А это еще зачем? – В голосе пленника слышались и надежда и сомнение одновременно. Вроде как складывалось так, что его все же отпустят, но с другой стороны – вот ведь хотят его найти.

– Скажем так, мы – люди новые в городе и лишнее знакомство нам не повредит.

– На рынке спросите любого босяка про Варлама – покажет.

– Значит, Варлам. А скажи-ка, Варлам, где у вас катают на бильярде?

– В Холщовом переулке, в трактире «Боцман», это возле порта. Туда и иностранцы заглядывают.

– Большие ставки?

– Как сойдется. Бывает и по сотке, если есть монета.

– Спасибо, Варлам. А теперь иди. И помни, что я тебе сказал. Впрочем, можешь попробовать меня обмануть...

Непринужденный тон, каким это было сказано, вовсе не ввел в заблуждение бывалого вора.

– Ну и почему мы его туда же не отправили? – поинтересовался Гаврилов, когда Варлам скрылся из виду.

– Семен, не придуривайся. А кто нам поможет паспорта справить, чтобы никто не подкапался? Или у тебя есть знакомые умельцы?

– Ага, только свистну. Ладно, ты главный. Рули уж.

На следующий день Варламу сообщили о том, что пятеро из их ватаги обнаружены мертвыми, с перебитыми костями. Списали на китайцев. Больно хунхузы вольготно стали чувствовать себя во Владивостоке, опять же Шершень был не босота из переулочка – абы кто поостерегся бы переходить ему дорогу. Заняв место вожака, или, как говорится, став Иваном, Варлам должен был покарать убийц, и он поклялся не знать покоя, пока его кара не достигнет повинных в смерти их товарищей. Однако, будучи по натуре далеко не глупым, а скорее даже наоборот, предпочел не упоминать о своем участии в ночном инциденте. О том, что воплощать в жизнь свое обещание не намерен, Варлам тоже решил дипломатично промолчать.

Глава 3

На бильярде

Скучные вечера на Кунашире каждый проводил по-своему. Кто пил горькую, кто завлекал молодух, ожидавших мужей из моря или командировки, кто сочетал и то и другое, благо жены офицеров в подавляющем своем большинстве в борьбе с зеленым змием могли дать фору даже здоровым мужикам. На этом в принципе развлечения и исчерпывались.

Песчанину ни то, ни другое не нравилось. Он, конечно, имел обыкновение иногда хорошенько выпить, но превращать это в правило ему претило. Женщин любил, но крутить с женами офицеров не хотел, а свободных девиц было раз, два и обчелся, да к тому же они все как одна имели только одну цель – как можно половчее окольцевать видного молодого холостяка, а вот это в его планы не входило. Нет, он не относил себя к закоренелым холостякам, но полагал, что бросаться в омут, чтобы создать семью, торопиться не стоит. Наблюдая за «счастливыми» семейными парами в городке, которые буквально устраивали соревнования по пышности и ветвистости рогов друг у друга, поневоле станешь циником и будешь отбояриваться от такой перспективы всеми доступными способами. А может, дело было в том, что, несмотря на то что он был способен запасть на время на ту или иную представительницу слабого пола, ни одна так по-настоящему и не задела его души.

В этой ситуации у него оставалось только две отдушины – игра на бильярде и конечно же литература. Вторым он мог заниматься в полном одиночестве. Первое требовало наличия партнера, так как катать шары с самим собой было неинтересно. Однако тут на помощь молодому лейтенанту пришел первый метод времяпрепровождения в городке. Какой же мало-мальски умеющий держать в руках кий мужчина откажется от партии-другой на бильярде, тем более приняв на грудь? Так что практика у Антона была богатая, тем паче что среди гарнизонных игроков попадались вполне приличные «бильярдисты». Почему в кавычках? А разве нужно объяснять? Он еще с училища хорошо играл на бильярде, так что в городке не знал себе равных. Но это не останавливало остальных офицеров, так как иметь выигранную партию на бильярде у Антона – считалось уже признаком мастерства и предметом гордости, вот только таких счастливчиков можно было перечесть по пальцам.

Появление нового игрока в «Боцмане» восприняли с энтузиазмом. Едва только Антон выставил шары и предложил игру, как тут же нашелся желающий пощупать лоха. Но попытка оказалась неудачной. За первым появился второй, потом третий. Антон не спешил выказывать всех своих способностей, поэтому позволял себе мазать, но старался делать это так, чтобы у окружающих не сложилось впечатления, что он играет с ними как кот с мышью. Игра шла. В общую кассу капала монета. С кого по пятерке, с кого по червонцу, а с кого и по два. Он уже обыграл пятерых, и никто пока не пытался на него наехать, чтобы объявить нечестным на руку или каталой.

Однако радоваться Антон начал преждевременно, так как, оценив его манеру, а главное – мастерство игры, против него вышел лучший катала из ошивавшихся в «Боцмане». Антон уже успел заметить, что двое из игравших «по маленькой» были не простыми посетителями заведения, которых обычно здесь ошпыливали, – они как раз и были этими самыми щипачами. Вот только рыбка оказалась им не по зубам. Однако нет худа без добра, так как их лидер имел возможность оценить игру новичка, появившегося ниоткуда.

Катала был одет куда приличнее своих прихлебал: на нем был темно-синий пиджак явно хорошего сукна, из кармашков красного жилета свисала солидная цепочка, явно не бижутерия, и часы, к которой они крепились, скорее всего, тоже были весьма недешевыми – не могло быть у него дешевых часов, – темно-синий галстук с редкими белыми горошинами был повязан

аккуратно и весьма умелыми руками. Телосложение среднее, а вот лицо имело болезненную худобу, закрученные же усы и борода клинышком делали его еще более отталкивающим.

Едва тот взял в руки кий, Песчанин тут же безошибочно определил весьма искусного игрока. С этим играть, выказывая слабость, чтобы завлечь в игру, нечего было и думать, потому что в этих играх он ему был не конкурент. Здесь нужно было играть, выкладываясь по полной, иначе были все шансы остаться ни с чем за один вечер, а их средства и без того были ограниченными. По сути, сейчас Антон рисковал всеми их деньгами на сегодняшний день.

Вновь возвращаться на рынок с наперстками было рискованно: уж слишком они наследили. Причем опасность исходила как от блюстителей закона и порядка, так и от местной братвы. А оно им надо?

– Как играем? – выставляя шары, поинтересовался Антон.

– По сотенной, – лениво пыхнув папироской, произнес катала.

– Ого. А не круто?

– А чего мелочиться. Играем три партии – и разбегаемся. Выиграешь – получишь сразу и много. Проиграешь – значит, фортуна тебе сегодня не улыбается, – все так же лениво попыхивая папироской, произнес предположительный партнер по игре.

Заманчивое предложение, но опасное. Понятно, что этот катала его вычислил, и скорее всего, с выигрышем ему уйти не дадут. Но с этим худо-бедно разобраться было можно. Только теперь уже без жертв: хватит синяков, ссадин и вывихов – желательно обойтись даже без переломов. Не нужно перебарщивать. Лишнее это.

Но оставался еще и сам вопрос с игрой. Денег на игру у него хватало. А вот мог ли он себе это позволить – это вопрос. В случае проигрыша он терял не только то, что успел выиграть, но еще и свои пятьдесят рублей. Он сюда пришел не время проводить, а именно подзаработать. Антон, как говорится, спинным мозгом чувствовал классного игрока, который может оказаться ему не по зубам. Рисковать же приходилось общими деньгами, за часть которых, между прочим, было плачено кровью.

Антон задумался, потирая нос. Он украдкой метнул взгляд в угол заведения, где располагались столы, за которыми игроки могли промочить горло или перекусить. В дальнем углу, вовсе не на престижном месте, за кружечкой пива сидел Гаврилов, который увлеченно потрошил вяленую рыбу. Но как ни увлечен был этим процессом гигант, взгляд командира рассмотреть сумел. Оторвав голову у рыбины, Гризли лишь ухмыльнулся уголками губ, давая Антону добро. Два против одного. Большинством голосов принято.

– Хорошо. Играем три партии. Победитель получает сотню. Как говорится, деньги на бочку.

С этими словами, Антон отсчитал требуемую сумму ассигнациями и положил ее поверх полочки, на которой выкладывались выбитые шары. Катала ухмыльнулся и повторил это движение, вот только, в отличие от соперника, он выложил не разномастные купюры, а аккуратную стопочку из десяти червонцев, ненавязчиво давая окружающим заглянуть в бумажник, где были заметны еще денежные купюры, и судя по всему, там их было немало.

Антон оценил это движение и непроизвольно повел плечами, словно разминаясь перед доброй дракой, – была у него такая привычка. Теперь было ясно, что выйти отсюда без приключений они могли только в том случае, если Песчанин проиграет. Потому как он заметил злорадные улыбки сразу чуть не у десятка обступивших их зевак, которые явно были заодно. А вот проиграть он никак не мог.

Бросили монетку, кому начинать. Выпало катале. Надо ли говорить, что у начинающего есть все шансы задавать тон игре. Первая партия осталась за каталой, Антон едва успел только размочить счет парой шаров. Вторую также начал оппонент Песчанина, но Антону все же удалось перехватить инициативу, воспользовавшись его оплошностью, вызванной чрезмерной самоуверенностью, и завершить партию победой с минимальным перевесом в один шар.

Теперь тон игре должен был задавать Антон. Это только непосвященному кажется, что игра на бильярде – это беспрестанное и бестолковое шпыняние шаров по сукну в расчете на удачу, благодаря которой шары становятся в благоприятную позицию, чтобы их можно было загонять в лузу. Настоящая игра на бильярде – это искусство. Разумеется, здесь важны и твердая рука, и отменный глазомер, и крепкие нервы, и умение так или иначе закрутить финт. Но не это делает бильярд бильярдом. Чтобы стать настоящим мастером, нужно учитывать очень много факторов – таких, например, как качество исполнения стола и качество сукна, коим этот стол обтянут, состояние шаров и многое-многое другое, неизвестное непосвященным. Все эти факторы в сумме позволяли не полагаться на слепую удачу, а вести игру, выставя шары именно так, как тебе нужно, чтобы череда загнанных в лузу шаров не прекращалась, принося тебе победу. И Антон умел это делать, и очень неплохо.

Ему посчастливилось брать уроки у одного старика. Тогда он еще был курсантом. Однажды их курс отправили навести порядок в доме офицерского состава перед Днем Военно-морского флота. Гардемарины там или нет, но мальчишки всегда мальчишки. Едва улучив момент, когда остались без присмотра, они набросились на бильярд, принявшись увлеченно гонять по сукну шары. Отсутствие навыков и мастерства они с лихвой компенсировали молодостью и задором. У них в распоряжении был небольшой стол бильярда, в который они частенько резались в основном в свободное время, предоставляемое вечером или в выходные, если не удалось выскользнуть в увольнение.

Антон так же увлеченно молотил по шарам. Вернее, тогда он предполагал, что все же играет, но как же он ошибался. Все это время за ними наблюдал старик – насколько они знали, он когда-то был офицером, а вот теперь, выйдя на пенсию, уже долгое время работал здесь завхозом.

– А что это вы, ребята, со всем уже управились?

– Да.

– Ага.

– Так точно, дядька Кондрат, – вразнобой загомонили гардемарины.

– О как. А мне казалось, что паркет можно было бы и получше надраить, да и в углы позаглядывать, опять же галюнь облили водой да собрали ее с середины, чтобы сразу в глаза бросалось, а про гардины так и вовсе не вспомнили. Э-э, нет, парни, так не пойдет. Раз уж взялись что делать, так делайте это хорошо, а то и вовсе не беритесь. И чего вы шары мучаете – они, поди, уважения требуют, а вы молотите по ним как оглашенные. Ладно бы играть умели, а то и тут спустя рукава.

– Неправда, дядька Кондрат. Мы все сделали на совесть, – решил вступить за свой личный состав замкомвзвода Понин.

– А вот врать нехорошо. Ну да ладно, стучать на вас я не стану. Зазорно оно мне, старику. Да как быть-то? Праздник-то немалый, а вы халтуру гоните. А скажи-ка мне, старшина, кто у вас лучше всех шары гоняет?

– Я, дядька Кондрат, – заинтригованно произнес замкомвзвода.

– А не врет, часом? – обратился старик уже ко всем, на что все дружно стали опровергать старика – мол, все так: и первый игрок, и швец, и жнец, и на дуде игрец. – Значит, доверите ему за взвод ответ держать? – Гардемарины дружно подтвердили эти слова. – А что значит долг на бильярде для офицера, знаете? – Опять дружное подтверждение: знаем, мол, как не знать, долг чести – никак не иначе. – Тогда так, ребята. Я выставяю вашему старшине фору в семь шаров; если он меня обыграет – то вы оставляете все как есть, а если моя возьмет – то вы все делаете на совесть. – С этим тоже дружно согласились, правда, нашлись и те, кто возмутился такой несправедливостью, но старик резонно заметил, что условия выставил он сам и никто его за язык не тянул. Парням бы понять, что дело нечисто, да куда там.

Вот тогда-то Антон и увидел впервые мастерскую игру на бильярде, увидел и влюбился в него без оглядки, со всем юношеским задором. Он потом месяц обхаживал дядьку Кондрата, уговаривая научить его игре. В конце концов старик сдался. Он многому научил гардемарина, очень многому.

Антон сумел выиграть решающую партию. Теперь вставал вопрос, как уйти отсюда с выигрышем, потому как его тут же со всех сторон обступили товарищи каталы, или, если точнее, его прихлебатели, а возможно, и ученики. Они не опустились до банальных угроз, вместо этого они напропалую восхваляли игру Песчанина и просили повторить, дабы еще раз полюбоваться на настоящих игроков. Настоятельно так просили, едва не требуя. Катала ухмыльнулся в бородку: ребята действовали слаженно – так, как он их учил. Оно, конечно, у этого лоха, который, впрочем, знает, с какой стороны братья за кий, и так не было шансов уйти с ТАКИМ выигрышем, но бильярд – это игра аристократичная, а потому приличия нужно соблюдать. А потом, если за ним пойдет дурная слава, то кто же согласится с ним играть – глядишь, и в «Боцмана» захаживать перестанут. Поэтому-то он порой позволял уйти лохам с выигрышем, который они все одно потом приносили ему, проигрываясь в следующий раз сторицей, но все знали, что здесь честная игра. Но с такими деньгами выпустить этого залетного он не мог. К тому же к игре стали проявлять интерес остальные присутствующие. Нет, грубо здесь действовать нельзя, да и не его это стиль. Вот если не выйдет миром, то...

– Право, дали бы возможность мне отыгаться.

– Уговор был по трем партиям. Игра за мной. Или что-то было нечестно?

– Ни в коей мере. – Катала даже выставил перед собой руки, отрещиваясь от подобного замечания. – Все было по правилам, и вы показали великолепную игру.

– Тогда я не понимаю, что не так?

– Помилуйте, все так. Просто я хотел бы просить вас все же дать мне возможность отыгаться.

– Только отыгаться?

– Ну, это было бы неинтересно. Предлагаю одну партию, ставка – две сотни.

Антон заметил, что с каталы как шелуха слетели и его барская ленца, и блатной сленг, и вообще он стал каким-то любезным и воспитанным. Поначалу он удивился этому, но затем обратил внимание на то, что стол обступили практически все посетители заведения. Все верно. Одно дело вести разговор с человеком с глазу на глаз – ну не считать же свидетелями его прихлебателей, – и совсем иное в присутствии посторонних. Это Антон здесь посторонний, так сказать, залетный, этот же катала здесь работал, и ему нужно было поддержать репутацию престижного заведения. Ему ведь и дальше нужно как-то зарабатывать на хлеб насущный.

Вновь быстрый взгляд на Гаврилова. Семен оторвал хороший кусок рыбы, энергично повел челюстью, сделав пару жевательных движений, потом сделал добрый глоток пива и одобрительно кивнул, расплывшись в блаженной улыбке. Два против одного. Большинство голосов принято.

– Хорошо. Одна партия. Ставка двести рублей. Больше игры не будет.

– Как скажете, – легко согласился катала. Он извлек из своего бумажника требуемую сумму, и хотя постарался на этот раз сделать так, чтобы в него не смогли заглянуть, Антон все же заметил, что бумажник практически пуст: если там и оставались деньги, то совсем немного.

– И еще. Жребий кинет посторонний, он же выставит шары, – решил все же перестраховаться Песчанин. Бильярд дело такое: чуть не так – и совсем другая игра.

– Справедливо.

Антон быстро высмотрел молодого парнишку, который подошел одним из последних и смотрел на происходящее широко открытыми глазами. Этот точно не принадлежал к бригаде каталы.

– Молодой человек. Я прошу прощения, мне неизвестно ваше имя.

– Бекешев Алексей... Алексей Борисович, – зардевшись, представился паренек.

– Попов Петр Никодимович. – Называть свое настоящее имя Антон не хотел, так как планировал еще пожить под ним. Ни к чему светить свое имя где ни попадя. – Не окажете ли любезность бросить жребий и помочь нам выставить шары?

– Д-да, конечно. Извольте.

Ну что ты будешь делать, прямо красна девица.

Жребий выпал Антону. Шары молодой человек также выставил весьма удачно. Настолько удачно, что после первого же удара два угловых шара в основании пирамиды отправились напрямиком в угловые лузы. Игру Антон, как говорится, сделал с одного кия, заставив зевак наблюдать за этой картиной с открытыми ртами. Что и говорить, посмотреть было на что.

– Однако партия, господа. – Почему-то Антону вспомнились слова поручика из «Новых приключений неуловимых».

– Вы великолепно играете. Снимаю шляпу. – Катала владел собой великолепно. – Позвольте пригласить вас за свой столик – обмыть, так сказать, ваш выигрыш. А потом не могу отказать себе в удовольствии опрокинуть рюмочку со столь превосходным игроком.

– Премного благодарен. – Антон решил поддержать игру.

– Мне известны все стоящие игроки во Владивостоке, – начал катала, когда они уже присели за его столик. – Но о вас, признаться, я ничего не слышал.

– Неудивительно. Я только третий день как в городе. – Антон намеренно давал понять, что за ним никого нет, чтобы инициировать события. Затягивать развязку не хотелось.

– И откуда вы прибыли?

– Давайте начистоту. Вы – завсегдатай «Боцмана» и живете игрой. Сейчас вас мучает вопрос, кто я и чего от меня ждать. Так вот, кто я – вас не касается. Чего от меня ждать? А ничего. Вы больше обо мне не услышите, во всяком случае, в этом заведении я больше появляться не собираюсь. Я здесь – чтобы по-быстрому заработать энную сумму. Вы ввязались в игру с незнакомым человеком – это ваш профессиональный риск. Вы рискнули и проиграли, я выиграл значительно больше, чем рассчитывал, но так уж сложилось. Если вы хотите вернуть выигрыш... Однажды вы меня уже недооценили. Не советую.хлопотно это.

Катала внимательно изучил сидящего перед ним мужчину. Он, конечно, не дюймовочка, высок, широк в плечах, движется легко, никакой неловкости, присущей высоким людям, однако и у него парни не лыком шиты, есть и поздоровее. Но что-то говорило ему, что все не так просто. Однако просто или непросто, но позволить незнакомцу уйти с выигрышем, с его кровными тремя сотнями? Нет, этого позволить он не мог.

– Вы правы. Я ввязался в игру по-крупному с темной лошадкой – и просчитался. Бывает и хуже, хотя и реже. Никаких претензий. Все по-честному. За ваш фарт. – Катала приподнял рюмку, как бы салютуя собеседнику, и одним махом опрокинул ее себе в рот. Антон повторил движение и, попросившись, направился к выходу.

Он решил не испытывать судьбу: ведь подручные могли напасть и посреди улицы. Оно ему надо? Укладывать этих архаровцев на глазах у всех, а там, глядишь, у Гризли опять возобладают инстинкты, – а тогда еще и с властями проблемы... Нет. Лишнее это.

Пройдя по улице с полсотни шагов, он свернул в какой-то закоулок, образованный глухими заборами, которым практически и не пользовались, разве только редкий прохожий, чтобы сократить путь, потому как по нему вилась только узкая стежка.

Запримеченные четверо, что сопровождали его от «Боцмана», увидев, куда свернул клиент, припустили за ним. То ли они были слишком самоуверенны, то ли неопытны в этих делах, но только они не придали значения тому, что вслед за ними двинулся и здоровый дядька, что вышел из «Боцмана».

Отойдя от угла пару десятков шагов, Антон остановился и обернулся к входу в закоулок. Едва он это сделал, как в поле зрения буквально вбежали четверо. Увидев свою цель, они сбавили

вили обороты и развернулись во всю ширь прохода, неумолимо приближаясь к Антону. Им бы задуматься по поводу той уверенности, с которой их встречают, но думать не хотелось. С другой стороны, нужно было дать себе накачку и придать собственным действиям хоть какой-то оттенок справедливости. Даже последние подонки хотят видеть в своих действиях хоть какой-то намек на справедливость – редко кто из них способен заявить прямо, что он подонок.

– Уважаемый, а сдастся, что вы нечисты на руку.

– Seriously? Ну, парни, вы и нахалы. Я ведь сказал вашему главному, чтобы он не мучил ничего. Ладно, валите, пока целы.

– Вот заберем денежки – и свалим.

– Вам решать.

В это время нападающие придвинулись достаточно близко, и тот, что вел беседу, рванул вперед, намереваясь нанести Антону сокрушительный удар в челюсть. Антон сразу отметил, что работать в группе они не умеют даже на зачаточном уровне, и мысленно ухмыльнулся: похоже, ему даже не потребуется помощи Гризли.

Слегка отклонившись и пропустив удар перед своим лицом, Антон перехватил руку нападающего и, приложив минимум усилий, перенаправил его движение в направлении забора. Не удержавшись, первый с размаху и с глухим стуком врезался головой в забор, после чего ему оставалось только стечь по нему на траву.

Атака второго захлебнулась, так и не начавшись, так как, особо не церемонясь, Антон нанес ему сильный удар между ног – ну, может, что и повредил, но это вряд ли, хотя мужик тут же сложился. Неспортивное поведение. Ну да здесь и не соревнования по рукопашке, а эти парни – не его спарринг-партнеры.

Отскочив на пару шагов и разорвав дистанцию, третьему он просто и без затей засветил ногой в лоб, отчего голова того качнулась назад, ноги подлетели в воздух, и бедолага грянул со всего маху на землю, оставшись без движения.

Последний, как видно, сообразил, что дело дрянь, а говорила ему об этом практически молниеносная расправа над его подельниками, потому он принял единственно верное решение. Быстро крутнувшись на сто восемьдесят градусов, он рванул обратно, но недостаточно быстро. Антон в несколько прыжков догнал убегающего и подсечкой сбил его на землю, после чего заломил ему руку и схватил за кадык, чтобы тот лишний раз не дергался.

Появившийся Гаврилов успел увидеть уже окончание потасовки. Удовлетворенно кивнув, он занял позицию на входе – так сказать, встал на стреме.

– Передашь своему главному, чтобы даже не думал меня разыскивать, иначе я припомню ему этот переулочек, да так, что ему небо с овчинку покажется. Если еще хоть один из вашей коды попытается встать на моем пути, живым никто не уйдет. Все понял?

– Х-г-да-а, – невнятно прохрипел неудачливый налетчик.

– Вот и ладушки. А теперь пшел вон.

Подняв его, Песчанин дал ему пинка на улицу. Так незамысловато указав ему направление движения, Антон наклонился над тем, кому угодил ногой в лоб. Уж очень не понравилось ему, как тот свалился. Но судя по всему, беспокоился зря: чистый нокаут.

Глава 4 «Новаторы»

Справив себе через Варлама документы, мастерски сработанные умельцами преступного мира, друзья теперь могли легализоваться и перебраться в гостиницу. В дорогие им путь был заказан, так как что ни говори, но с деньгами у них было не очень. Хотя после оплаты услуг мастера по подделке документов у них все еще оставалась приличная сумма, деньги имели очень плохую привычку – они быстро заканчивались, хотя друзья и старались не шиковать.

Заодно Антон сменил и публику, так как в «Боцмане» появляться им было не с руки, а с заработком на жизнь у них пока не наладилось. В связи с этим пришлось сменить и гардероб: все же встречаются по одежке. Многого они себе позволить не могли, но самым необходимым закупились.

Тут, надо признать, произошло знаменательное событие. Когда дело дошло до носков, то выяснилось, что здешние носки нужно было носить с подтяжками, крепившимися выше икр, иначе они просто спадали: что поделать, резиновых манжет пока еще не было. Это встретило протест со стороны Гаврилова, который наотрез отказался надевать на себя подобное, предпочтя носить сапоги с портянками. Моряк, с презрением бросавший сухопутным оскорбительное «сапог», предпочел обуться именно в сапоги. Чудны дела твои, Господи. Удивило и то, что Семен весьма виртуозно управлялся с портянками, чем немало удивил друзей.

– А чего вы хотели? Я же деревенский, опять же на охоту хаживал, а там без сапог никак. А сапоги – они портянки любят, в носках ногам хана.

Это-то и определило стиль в одежде Семена, который теперь походил на купца, но на средненького такого купчишку, так как одежда все же была не столь уж и дорогой.

Больше Антон в экстремальные игры не ввязывался, хотя предложения и поступали. Он решил, что это будет лишним. Появлялся он на бильярде не чаще трех раз в неделю, выигрывая за этот срок по сто рублей. Приходилось иногда уходить и с проигрышем, чтобы не возбуждать излишнего любопытства. Этого вполне хватало и на гостиницу, и на то, чтобы питаться в ресторанчике из недорогих, и чтобы поддерживать в порядке свой гардероб, и чтобы откладывать. Но постоянно жить на эти средства было глупо.

Одновременно Песчанин почитывал историческую литературу, из которой понял, что если это и параллельный мир, то его история весьма схожа с историей их мира, так что Антон был склонен думать, что их все же занесло в прошлое.

Шел одна тысяча восемьсот девяносто восьмой год, а значит, друзей отбросило назад ровно на сто лет. Именно в этот год Россия заняла Порт-Артур, и вот уже три года японская военщина готовилась к активным боевым действиям на Дальнем Востоке. Японская политика становилась все более агрессивной, но до того момента, когда эти низкорослые улыбчивые и любезные азиаты покажут свой волчий оскал, было еще сравнительно далеко. Пока же они усиленно наращивали свою военную мощь.

Общение в более респектабельных кругах имело положительное влияние на друзей, а вернее, на их финансовое положение. Однако ограничиваться только игрой было попросту глупо и недалководно. Об этом-то однажды вечером и заявил Антон, когда они сидели в гостиной своего номера.

– Мы здесь уже месяц. Живем в принципе неплохо, но устраивать свою жизнь, имея за спиной только бильярд, глупо. Нужно определяться с дальнейшим бытием.

– Ага. А что мы умеем-то? – тяжело вздохнул Гаврилов. – Мне можно только в наемники куда, потому что только и могу, что воевать. Мог бы и мотористом, но что-то мне подсказывает, что паровая машина очень сильно отличается от дизеля, а дизелей здесь нет.

– Вот только не вешать носа. У нас есть мозги и знания, которых здесь нет. Ничего страшного, если мы у кого-нибудь украдем пальму первенства. Изобретут другое: непознанного в избытке даже в наше время, – убежденно заявил Антон.

– И что ты предлагаешь «изобрести»? – ухмыльнувшись, поинтересовался Сергей, но весь его вид говорил о том, что идея у него не вызывает отторжения.

– Что-нибудь такое, чего тут нет и что у нас с руками оторвут, – твердо заявил Антон.

– Мне на ум не приходит ничего оригинального, – вздохнул Звонарев. – Я ведь радио-электронщик, ну еще штурман.

– А я и вовсе артиллерист, ну еще командир корабля, но это ни при чем. – Дело в том, что первые полгода в училище Антон учился с Сергеем в одной роте и на одну специальность, но он всегда хотел командовать кораблем, а из штурманов в командиры кораблей выбивались куда реже, чем из артиллеристов. Поэтому когда через полгода появилась возможность сменить специальность, он перевелся в другую роту, но с Сергеем они сдружились с первых дней, так что, несмотря на разные специальности и подразделения, дружить они продолжали крепко, нередко помогая друг другу по смежным предметам.

– Ха. А может, вам штурманами на корабли? А что? Варлам вам какие угодно документы выправит за отдельную плату, – весело заметил Гаврилов. – А я к вам на подхвате, начну матросом – а там, глядишь, и в боцманы выйду.

– Очень смешно. Да чтобы в этом времени быть штурманом, нужно иметь большие навыки в кораблевождении, а я после училища вообще по специальности ни дня не служил – вон взводным на завод засунули, и радуйся. Антон – тот да. Да и то... Он больше артиллерист и командир, и если сумеет выполнить работу штурмана, то привык работать с навигационными приборами, которых сейчас и в помине нет, а с теми, что есть, он знаком, как и я, можно сказать, в теории.

– Сережа, да ты гений! – возбужденно заявил Антон, уставившись на Звонарева загоревшимся взглядом.

– В смысле?

– Девиация!

– Что девиация? Погоди-погоди. Ты предлагаешь...

– А что нам мешает? Мы оба изучали этот предмет, принципиальную схему знаем, всякие частности отработаем и доведем изделие до ума. Устроить лабораторию нам вполне по силам, денег хватит.

– А ведь может получиться.

– Эй, умники. А мне объяснить ничего не хотите? – возмутился ничего не понимающий Гаврилов.

– Семен, ты знаешь, что значит девиация?

– Не такой уж я и тупой, командир.

– А как с нею бороться?

– Шутишь? А гирокомпас на что!

– А вот нету сейчас гирокомпасов. Не изобрели еще.

– Это как это нету? А как же они по морям ходят?

– А вот так и ходят. Каждый раз выверяют компасы, учитывают огрехи, ошибаются, и иногда эти ошибки оборачиваются боком.

– Весело. Так они озолотят того, кто им этот самый гирокомпас изобретет.

– Вот об этом и речь.

Ни кульмана, ни каких-либо иных чертежных принадлежностей у друзей не было, были только записные книжки да перьевые ручки, но это их не остановило. Так что они тут же принялись за работу. Разумеется, ни о каких точных чертежах и расчетах сейчас речь идти не могла, но все же в общих чертах они могли набросать кое-что уже и сейчас.

Засиделись допоздна, только далеко за полночь решив все же идти на боковую. Гаврилов, несмотря на то что в этом вопросе не разбирался даже поверхностно, составил им компанию, наблюдая за увлеченно что-то обсуждающими, лихорадочно записывающими, рисующими, зачеркивающими, сминающими и выбрасывающими листки, где были ошибки, друзьями.

Не сказать что они легли спать неудовлетворенными. Вспомнить удалось многое. Теперь нужно было все детально проработать, а еще найти человека, который смог бы все это грамотно оформить, потому как чертежниками они были еще теми, опять же расчеты... Нужен был квалифицированный слесарь, какие-никакие станки... Нет, неверно: хорошие станки. А в первую очередь нужны были помещения для обустройства лаборатории и мастерской. Много чего нужно было, а главное – нужны были на все это средства. Потому как тех, что у них были, хватило бы худо-бедно, чтобы организовать небольшую и очень скромную лабораторию.

На следующий день Песчанин направился на поиски квартиры, а вернее, он хотел снять отдельный домик, чтобы там можно было и жить, и отвести место для рабочего кабинета, ну и лабораторию устроить. Куда он мог пойти? Все всегда вертелось вокруг рынка. Подумав об этом, Антон непроизвольно улыбнулся: если его увидит Варлам, то опять решит, что он разыскивает его. В прошлый раз, когда он обратился к нему с просьбой изготовить документы, воровской авторитет имел такой вид, что сразу и не поймешь, испугался он или решает, как бы организовать устранение опасного знакомого. Антону тогда показалось, что от последнего его удержало только отсутствие Семена, который мог потом устроить вендетту. Но общение с Антоном ему явно пришлось не по душе, так как он постарался все организовать в кратчайшие сроки.

Варлама на как всегда шумном рынке он не встретил, зато то, что он искал, нашлось практически сразу. Моложавая женщина согласилась сдать домик с подворьем за вполне умеренную плату. Правда, на окраине, но Антона это вполне устраивало. Сейчас было не до жиру, нужно было занять свой угол, где можно было бы развернуться.

Домик с виду был невелик, но внутри весьма просторен. Две спальни, общая зала, кухня, столовая. Во дворе имелся флигелек, в котором вполне можно было устроить лабораторию совместно с рабочим кабинетом.

Через неделю флигель удалось оснастить всем необходимым для работы, а еще появился их первый наемный работник – инженер Зимов Роман Викторович, появлению которого Антон был сильно удивлен. Как выяснилось, ничего особенного. Пока Песчанин занимался организационными вопросами, Звонарев не мудрствуя лукаво попросту дал объявление в газету о том, что на хорошо оплачиваемую работу требуется инженер, опыт работы не обязателен. Вот и заглянул по указанному адресу молодой инженер, который только приехал на Дальний Восток и пока был не у дел. Как говорится, молодой и энергичный. Впрочем, несмотря на молодость, он уже имел семью, жену и полугодовалую дочь. Как он решился на столь длительное путешествие с грудным ребенком, для Антона было непонятно, но факт остается фактом. Видать, потянулся за полагающимися льготами: правительство всячески старалось завлечь в такие глухие места различных специалистов.

Едва Зимов узнал, в какой области они будут работать, его глаза буквально загорелись. Эта проблема была общеизвестна, вот только решить ее никому не удавалось. Когда же он уяснил, что решение проблемы девиации в принципе уже есть и остается только доработать идею, весь загорелся азартом и был готов дневать и ночевать на рабочем месте, которое его ничуть не смутило. Еще и не такие открытия совершались в куда более прозаичных местах.

Нельзя сказать, что эта проблема вообще еще никем не решалась. Уже был гироскоп, уже были первые опыты по созданию гирокомпы, но вот положительного результата пока никто не достиг. Вполне могло оказаться, что и эта идея провалится, окончившись вместо колокольного звона бесформенным треньканьем. Но Зимову верилось в лучшее, и тем более его убеждала в этом та уверенность, что была у Звонарева.

Его немного смутил тот факт, что Сергей Владимирович, найдя способ решения этой задачи – не мудрствуя лукаво друзья все свалили на Звонарева, – как инженер был, как бы помягче, слегка безграмотным и не мог толково составить простейших чертежей и расчетов, но с другой стороны, истории известны еще и не такие казусы. Главное, что Роману Викторовичу указывалось направление, в котором следовало рыть землю, и он рыл, рыл не щадя себя.

Пришлось выделить и еще одну статью расходов. Как выяснилось, содержать в порядке свою одежду для друзей было весьма проблематично. Пока они жили в гостинице, эта проблема легко решалась при помощи обслуги гостиницы, теперь же им предстояло самим заботиться о себе, что выглядело бы странным. Они, конечно, были способны и сами за собой поухаживать, но это было бы уже чересчур. Так в доме появилась домработница. Анна, как ее звали, была удивлена той простоте, с какой питались ее работодатели, и скудости их гардероба, но предпочитала держать язык за зубами. Платят господа исправно, а все остальное не ее забота. Девушкой она оказалась необщительной, то есть не трещала как сорока на всех углах о своих господах, так что их частная жизнь как-то сама собой оказалась за кадром.

Жалованье прислуге и инженеру влетало в копеечку: Зимову пришлось предложить зарплату повыше, чем ему могли платить на том же судоремонтном, плюс квартплата, оборудование лаборатории, одни затраты. Друзья питались без разносолов, всячески стараясь держать марку, чтобы их работники ничего не заподозрили. Антон уже был не в состоянии выигрывать достаточные суммы, чтобы не привлечь к себе излишнего внимания, а ведь это было только началом.

Когда с теорией все вроде стало ясно, они вдруг обнаружили, что все это время тянули пустышку. Не имеющие ни опыта, ни особых знаний, они даже не предполагали, что не смогут создать даже прототипа, так как нужны были специалисты, причем уровня часовых дел мастера, да еще и высокоточные станки, а ни того, ни другого на Дальнем Востоке днем с огнем не сыщешь. Все, затор.

Но Зимов и не думал унывать. Глядя на чертежи и расчеты, он весь просто лучился, так как был уверен, что у них вышло нечто стоящее. Это просто не могло не работать, а значит, это несомненный успех, он был в этом абсолютно уверен. Не могло быть иначе, и все тут.

Однако его удивило поведение его работодателей. Те отчего-то не спешили заявить о себе. Что поделать, таково было то время. Время гениев, талантов и энтузиастов, которые, едва добившись положительных результатов, спешили оповестить о своей удаче весь мир. Многие из них могли жить впроголодь, перебиваться с хлеба на воду только ради признания и славы. Нет, конечно же и материальная составляющая не забывалась, но первое – это признание и слава.

Здесь уже дело в свои руки взял Песчанин. Усадив инженера перед собой, он обстоятельно высказал ему свои доводы. У них имеются голая теория и расчеты, не подтвержденные опытами, потому что создать опытный образец они попросту не в состоянии. У них конечно же имеются деньги (хотел бы Антон знать, откуда он возьмет их даже для того, чтобы прожить следующий месяц: на него и так уже начали коситься, а некоторые и вовсе с улыбкой отказывались с ним играть), но только необходимое нужно будет заказывать, и судя по всему, в Швейцарии, на худой конец в Англии или в Германии. Роман Викторович должен понимать, что на это уйдет много времени. Так что как ни велик соблазн, но с этим придется обождать.

– Ну сами посудите. Без практических испытаний все это остается только идеей, которой смогут воспользоваться другие, а тогда мы останемся с носом. Вы этого хотите? Я – нет. Мало того, я хочу наладить производство гироскопов сам и не собираюсь терять прибыль.

– Тогда выходит, что я отправляюсь в бессрочный отпуск.

– Это еще почему? – удивился Антон.

Со слов Звонарева, Зимов был прекрасным инженером с развитой интуицией. В общем, именно тот человек, который и нужен был ему как «научному руководителю», так как он мог

здать только общее направление, подсказать какое-либо решение, если возникал затык: все же два высших образования – это не баран чихнул, – а вот везти основной груз должны были другие. Зимов как никто другой подходил для этого.

– Но ведь мы все это время не занимались ничем другим, – пожал плечами инженер.

– Роман Викторович, я не понимаю вас. Вам задержали жалование?

– Нет.

– Вам сказали, что в ваших услугах больше не нуждаются?

– Нет.

– Так отчего такой пессимизм? Да, эту тему мы временно замораживаем, но кто сказал, что у Сергея Владимировича нет других идей? Так что не берите в голову. На сегодня, пожалуй, все. Можете идти домой. А завтра прошу на работу.

– И чем ты собираешься поразить его завтра? – спросил Песчанина Звонарев, когда инженер ушел.

– А я знаю? Давай думать. Идея с гирокомпасом хороша, но преждевременна.

– Преждевременной будет любая идея. Денег-то у нас нет. Ты сам говоришь, что для получения прибыли нужно организовать производство, а нам даже для практических опытов недостает средств.

– А вот тут ты неправ. У нас имеется еще около четырехсот рублей. Напомнить, какая это сумма? Так что не вешать носа. На разработку чего-нибудь простенького денег хватит. Давай лучше думать, что мы можем предложить этому миру, чтобы быть первыми и первыми же снять сливки.

– Легко сказать. В голову ничего не идет.

– Ладно. Пошли в дом чайку попьем, а там, глядишь, что и надумаем.

Едва войдя в дом, друзья чуть не задохнулись от пьянящего запаха свежей выпечки. Антон, порывшись в памяти, даже не смог припомнить, когда в последний раз ел что-либо подобное. Сначала жизнь в военном городке, где он максимум мог только обонять приятные запахи, исходившие с кухонь его сослуживцев, да и то, надо заметить, бывало это далеко не часто, так что единственное, что ему оставалось, – это разные печенья, рулеты и другие кондитерские деликатесы, которые можно было есть, но восторга они никак не вызывали. Потом все понеслось вскачь, так что о том, чтобы побаловать себя чем-либо сдобным, никто просто не вспомнил.

– Ой, Антон Сергеевич, Сергей Владимирович, я вот тут решила немного у печи посто-ять.

– Ох, Анечка. Предупреждать же надо. Эдак и задохнуться недолго. Чем вы нас сегодня собираетесь баловать?

– Скажете тоже: баловать. Вот ватрушек с творогом испекла. Сумела выкроить, – выразительно взглянув на Антона, произнесла она.

Песчанин прекрасно рассмотрел этот взгляд, но предпочел проигнорировать, словно ничего и не произошло. Сумела Анна сэкономить – честь ей и хвала, и вообще переходящее знамя почета, но увеличивать ассигнования на котловое довольствие он не собирается.

Видя, что ее намек не достиг цели, Анна украдкой вздохнула. Хорошие господа, вежливые, порядочные и без каких-либо... Она-то девушка видная, знает, как на нее оглядываются мужчины, и всякие похабные цоканья в спину не раз слышала, а эти вон ни разу ничего непутевого не позволили, даже в шутку. А Сергей Владимирович – так тот и вовсе практически все время молчит, прямо Рыцарь печального образа, хорошо, если пару слов произнесет.

Анна была из семьи чиновника почтового отделения. Жили они скромно, так как семья была большой, мать и еще четыре сестренки помладше, а жалование получал только отец, и его едва хватало, чтобы сводить концы с концами. Гимназию Анна все же закончила, дальней-

шее обучение было для нее попросту невозможно, так как для этого уже нужно было ехать в Хабаровск, так что перспектив никаких.

С замужеством пока ничего не получалось, хотя свою жизнь уже давно нужно было устраивать. Конечно, холостых офицеров на флоте хватало, – да где они, из Порт-Артура не вылезают. Вон «Рюрик» и «Россия» прибыли во Владивосток, так и недели на рейде не простояли, как вновь укатили в Маньчжурию. Да и не торопились господа моряки семьями обзаводиться: им бы чего попроще, а попроще – это уже не к ней. Женихи из местных все больше кружили вокруг барышень из семей побогаче, стремясь к приданому, а те, кто обращал внимание на нее, были неинтересны ей – все же просто выскочить замуж она не хотела, ведь с этим выбором придется всю жизнь прожить, и хотелось бы как родители – хотя и бедно, но душа в душу. Как говорится, замуж – не напасть, лишь бы замужем не пропасть. Вот и выходило, что в свои двадцать она оставалась в родительском доме, но быть обузой уже не могла, а потому и пошла в домработницы, что по большому счету сильно ограничивало выбор женихов или, скорее, кандидатов на ее руку. Но ничего не поделаешь: сестренки подрастают, родителям помощь требуется. Правда, отец был против, даже впервые в жизни сильно разозлился на нее, впрочем, на нее или на самого себя – здесь и не разберешь.

С другой стороны, остаться в старых девах ей не грозило: где угодно это могло быть проблемой, только не во Владивостоке, где испытывался сильный дефицит женского населения. Но хотелось чего-то большего, чем просто выскочить замуж.

– Накрывать обед или Семена Андреевича подождете?

– Пожалуй, подождем Семена.

– Чего меня ждать, – прогудел гигант, вваливаясь в дом, – я весь здесь. Ох, мать честная, чем это у нас так пахнет?

– Да вот Анна Васильевна решила нас ватрушками с творогом побаловать.

Ну, наконец-то заговорил, вот только опять Анной Васильевной величает, а мог бы как Антон Сергеевич – Анечкой. Едва подумав об этом, Анна зарделась и отвернулась, начав собирать на стол. Друзья заметили ее смущение, но отнесли на счет своих похвал по поводу проявляемой заботы и домовитости. Разве только и Сергей отчего-то зарделся, как красна девица. С чего бы это?

Обед, а в особенности последовавшее за ним чаепитие, прошли просто потрясающе, настроив друзей на благодушный лад. Перейдя из столовой в залу, они не мудрствуя лукаво вооружились папиросами и дружно задымили.

Никто из них никогда не курил папирос, даже в училищные годы, когда в девяносто втором году грянул табачный кризис и их однокурсники попробовали и «Беломорканал», и старой доброй махорки, но Антон и Сергей как-то сумели обойти такой опыт стороной. Приходилось делить одну сигарету на двоих, а порой и вовсе скручивать уши в трубочку, но курить они все же предпочитали сигареты. Такое простое решение, как бросить эту вредную привычку, им отчего-то в голову не пришло. Но здесь им пришлось курить именно папиросы, и предложи им сегодня те сигареты – они дружно отказались бы, так как после этих папирос казалось, что то курево начинялось навозом, не иначе.

– Ну и чего вы такие смурные, друзья?

– Для радости особых причин нет, – ответил Семену Антон. – Сегодня вдруг выяснилось, что все наши потуги оказались напрасными. Или почти напрасными. Гирокомпас в настоящий момент собрать нет никакой возможности. Нужны высококвалифицированные мастера и специальные станки. Во сколько все это обойдется, даже подумать страшно. Так что идея, конечно, хорошая, но преждевременная. А ты где шлялся?

– Мне доложить рапортом?

– Можешь рапортом, можешь просто рассказать, а можешь и послать. – Благодушное настроение Антона, навеянное великолепной стряпней Анны, таяло на глазах. Он сам назна-

чил себя лидером, еще там, на лысой вершине сопки, и они его поддержали, пошли за ним. Он принял решение о том, чтобы начать разработку гирокомпаса, но решение оказалось неверным. Кой черт из него лидер, это не кораблем командовать, где все ясно и понятно.

– Антон, ты эту хандру гони куда подальше. Разберемся, – решил подбодрить друга Семен. – А я, представьте, сегодня ходил на вокзал. В депо заглянул. Захотелось мне посмотреть на паровозы и вагоны. Вот сколько здесь, а так ни разу и не видел.

– И как? – решил поддержать Гаврилова Сергей: ему также не нравилось настроение Антона, который пытался все взвалить на себя, а это неверно. К тому же он за всеми этими заботами тоже еще не видел местных поездов, да много чего еще не видел, так как практически нигде и не бывал.

– А никак. Ничего похожего на то, что я видел в фильмах про Гражданскую. Какие-то маленькие и неказистые, и вагоны под стать, словно игрушечные. В общем, впечатления не произвело, но посмотреть было интересно.

– А в депо-то ты зачем поперся? – продолжал поддерживать его Сергей.

– Так не было в поле зрения паровозов, а поезд должен был прибыть только через четыре часа, – вот и пошел. Нашел там один, его как раз чинили. Прикиньте, здоровый мужик, вот ей-ей больше меня, лазит по нему, словно по паровозику в парке на аттракционе, и кувалдой его буцкает. Картина – обхохочешься.

– И чего он его буцкал? Хотя откуда-то же идут корни, что русский человек при помощи кувалды, зубила и такой-то матери способен починить все что угодно.

– Ха. Один в один.

– Что один в один?

– Да то. Один, помельче, зубило на рукояти наставляет на заклепку, а второй, этот самый здоровяк, по нему кувалдой, и про мать не забыл.

– А что это они делали?

– По ходу, я так понял, заклепки сбивали. Видно, переклепать хотят. Я еще подумал – вот ребятам не повезло: был бы у них автоген – враз с этими заклепками разобрались бы.

– Да-а, автогенов сейчас нет.

– А почему? – вдруг вскинувшись, вклинился в разговор Антон.

– Что – почему? – Друзья дружно уставились на Песчанина.

– Почему нет автогена?

– Ты смеешься?

– Сергей, это же идея, – не унимался Антон. – Здесь ведь база Военно-морского флота, тысячи тонн металла. Как считаешь, пригодится ли здесь автоген? Это уже не гирокомпас, это куда проще должно быть.

– Так я и представления не имею, как он выглядит. А потом, его еще называют ацетиленовой горелкой, а известен ли здесь ацетилен, я не знаю. Там, у нас его получают разложением карбида в воде, кажется, карбида кальция, если ничего не путаю из химии в школе. А как его получить?

– При чем тут ацетилен. Автоген может работать и от пропана, и от водорода, да от бензина и то может. Чего уставились? Это вы, городские, слышали звон, да не знаете, где он, а я и на приисках успел поработать, и не в белых перчатках в классах заседал, так что и на судоремонтном покрутиться успел. Топливо, кислород, и все это под давлением, через сопло горелки, подача регулируется вентилями.

– Не надо думать, что я вовсе не представляю общей конструкции. Я тоже на заводе долгое время обретался, – огрызнулся Звонарев.

– Сережа, вот и тема.

– Какая тема? Я ведь штурман и радиоэлектронщик, не забыл?

– Почему же, помню. Гризли проконсультирует, остальное с Зимовым доработаете. Можно еще электросварку «изобрести», тоже должно пойти. Хотя с электричеством здесь не очень, но на кораблях-то оно всяко-разно есть. Да и на предприятиях появится смысл его завести: это же насколько процесс крепления металла облегчается. А еще можно прикинуть отбойный молоток.

– А этот-то здесь зачем? – удивился Гаврилов.

– Как зачем? Установи насадку под заклепку – и пожалуйста, клепай, вместо того чтобы кувалдой махать: производительность в разы увеличится. Эх, дурни. Нет чтобы походить, по сторонам поглазеть, сразу за неподъемное схватились. Вон только одна заклепка, а уже три «изобретения» накопили, и ведь ничего подобного здесь и близко нет. Если походим по разным мастерским, то много чего вспомнить сможем, но пока и этого будет вполне достаточно. Нам сейчас главное зацепиться, а там, глядишь, дело и пойдет.

Надо ли говорить, что уже на следующий день в лаборатории вновь закипела бурная жизнь! За все подряд решили не хвататься, а начать с простейшего – отбойного молотка. Здесь, что ни говори, все вертелось вокруг сжатого воздуха. Конечно, нужны будут шланги высокого давления, но резина здесь уже давно известна, да и высокое давление уже используется, на тех же кораблях.

Попутно Сергей должен был исподволь вызнать у Зимова все об ацетилене – как заявил Семен, он наиболее подходил для работы, потому что, как ему объяснили знающие газосварщики, давал больше всего жара.

С разрешения хозяйки и за дополнительную плату – куда же без нее – в сарае была устроена слесарня. Ничего особенного, обычный слесарный инструмент с тисками и небольшой наковальней, с малым горном. Появился у них и еще один работник – слесарь Семен Митрофанович, которого удалось сманить из механических мастерских, пообещав солидный заработок.

Руки у зрелого мужчины оказались поистине золотыми, а смекалка завидной, что как нельзя кстати подошло для «изобретателей». Правда, по поводу оборудования мастерской он высказался весьма негативно, молча эдак высказался, с использованием пантомимы, но что поделывать, даже старенький разболтанный токарный станок им был не по карману, да и не от чего его было приводить в действие: нужна была как минимум паровая машина. Так что за помощью токарей приходилось обращаться на сторону.

Семен Митрофанович... А что Семен Митрофанович – господа приличные, научной работой заняты, платят изрядно, так чего же не поработать. К тому же и работка как раз по нему: не нудную рутину выполнять, когда один день на другой похож, а что-то новое делать, и к нему со всем уважением, советуются, он же может и эдак с ленцой ткнуть их – мол, вот как надо. Правда, иногда одно и то же по несколько раз переделывать нужно, опять же спокойно сносить такое не получалось: сегодня так, завтра эдак, а послезавтра и вообще все это зря и не нужно, – кто ж такое просто стерпит. Он скрипел зубами, фыркал, но терпел. Интересная работа, вот бы всегда так, не то со скуки можно, подобно большинству населения, и спиться.

В общем, опять все упиралось в деньги. Чтоб им. Вопрос этот был уже настолько насущным, что Антона стали посещать нехорошие мысли. Получить работу им попросту не светило – не было у них нужных специальностей, – значит, нужно было организовывать что-то свое. Опять деньги.

Несмотря на то что в лаборатории работа кипела вовсю, Антон пребывал в депрессии. Решение, как разрешить финансовый вопрос, в голову не шло. Да и как его разрешишь, если Владивосток, несмотря на его значимость, сейчас просто заштатный городишко с населением в тридцать тысяч человек? Промелькнула было мысль, что идея с отбойными молотками может оказаться неперспективной: ну кто будет закупать их?.. Но потом все же успокоился. Не станет закупать родной флот – купят другие. Вон та же Япония впитывает все передовое, как губка. Надо будет только запатентовать. Правда, из этой глухомани сделать это будет проблематично,

да и не знает он, как это делается, ну да не беда, что-то подскажет Зимов, что-то кто другой – глядишь, все и выгорит.

По большому счету для себя он все уже решил, и это производство нужно было только как ширма, потому что основные доходы должны были пойти совсем с другого направления, но до того нужно было хоть как-то дожить. О его намерениях друзья еще не знали, но пока их посвящать и не стоило – сначала наладить, а потом уже видно будет: пойдут с ним – хорошо, нет... Отступать он не собирался.

Но вопрос с деньгами на сегодня стоял очень серьезно, и с ним нужно было что-то решать. Похоже, другого выхода нет. Тяжко вздохнув, Антон поднялся со стула и направился на улицу.

Едва он вышел на крыльцо, как попал в вечернюю духоту. Казалось бы, солнце уже практически зашло и на землю должна была опуститься живительная прохлада, но не тут-то было: духота стояла, словно в парилке, и продержится она еще за полночь, только потом отпустит – даже близость моря отчего-то не способствовала свежей прохладе. Жаркое лето выдалось: хотя и август уже, а жара не отпускает.

Антон с остервенением попытался ослабить высокий накрахмаленный воротник, который доставлял массу неудобств, но не преуспел в этом: тут нужно только распускать галстук и расстегивать пуговицу, – нельзя. Несмотря на заштатность города, правила приличия есть правила приличия, хочешь выглядеть попроще – так не изображай из себя приличного человека, обряжайся как обычный горожанин. Не сказать, что он сделал бы это без удовольствия. Тесный кургузый пиджак, жилет, рубашка с накрахмаленным воротником и узкие брюки вкуче с нижним бельем, да еще и в жару, – боже, как же это неудобно и не продумано. Радовали только туфли. Кожа жесткая, но зато как удобно сидят на ноге, и пошиты не по непонятным колодкам, по которым шьют в будущем, – нигде не жмут, хорошие туфли.

Вот только мести ими приходится дорожную пыль – во Владивостоке с дорогами вопрос не решен никак, – еще бы не вляпаться в какую лепешку. Это ближе к центру все более или менее пристойно, мощеные улицы, и плохо ли, хорошо, но за порядком смотрят, а здесь, на окраине, и коров по улице гоняют, и куры целыми днями носятся, порой и свиньи изображают из себя пешеходов. Картина маслом. Но это сейчас все так неприглядно: потенциал у города большой, а как только заработает Транссибирская магистраль, так картина резко начнет меняться. Но когда это будет!..

Сегодня ему больше подошла бы одежда попроще, но из простого ничего не было. Разве только картузы да пиджак, купленные в первый день, и их брюки где-то валяются, но где – он не знал. Свалив эти вещи Анне, он попросил ее прибрать их, а куда она все это «богатство» подевала, он понятия не имел; она же уже давно ушла: негоже молодой девушке прогуливаться по вечерним улицам Владивостока одной. Брюки он велел припрятать не зря: придет время – по их образу и подобию устроит себе свой гардероб из достойной ткани, и плевать на местную моду.

– Антон, ты куда? – удивился вышедшему из дома Песчанину при полном параде Звонарев. Зимов ушел уже давно, а Сергей вот только сейчас вырвался из лаборатории, она же его рабочий кабинет, – он был сильно увлечен своим новым статусом «изобретателя» и «первопроходца», а потому часто задерживался после ухода Романа Викторовича, работая над тем, что ему удалось вспомнить: заготовки на будущее.

– Пойду на бильярде сыграю.

– Так вроде вторник.

– Сегодня что-то захотелось для души, да и если выиграю рублей десять – двадцать, все лишними не будут. Опять же Анечке можно будет выделить что-нибудь: прекрасная выпечка у нее получается.

– Понятно. Семен дома?

– Днем еще исчез. Не иначе как бабенку какую нашел. Он у нас по этой части кобель тот еще. Как говорил Геннадий Хазанов: «Без женщины какое-то время суток могу...» – Антон произнес это с кавказским акцентом, чем вызвал улыбку Сергея.

– Так, может, я с тобой? Чего мне одному здесь куковать, и без того никуда не хожу.

– Извини, Сережа, но сегодня никак.

– Ты ж сам сказал – просто развеяться.

– Сначала просто, а потом есть виды на одну веселую вдовушку. Не смотри на меня так. По ночному Владивостоку я тебя одного не пущу – мало ли...

– Ладно, – разочарованно вздохнул Звонарев. – Пойду Фенимора Купера почитаю, раз уж ничего другого не остается.

Путь Антона лежал в знакомую забегаловку, неподалеку от которой в свое время состоялось их знакомство с Варламом. Сомнительно, что воровской авторитет будет рад этой встрече, но другого выхода Антон не видел. Время неумолимо шло вперед, и его с каждым днем оставалось все меньше. Нужно было срочно форсировать события.

Войдя в душное помещение, пропахшее кислятиной и табачным дымом, он окинул его взглядом. Что и говорить, заведение респектабельностью не отличалось – было просто удивительно, что при должной оплате хозяин мог предоставить хотя и простые, но весьма вкусные кушанья. Зал был заполнен до отказа, посетители, многие из которых уже были изрядно навеселе, сидели чуть не на головах друг у друга, повсюду слышались пьяные разговоры, нередко уже на затертую тему типа «ты меня уважаешь?». Каждый борется со скукой, как может, – например, завсегдагаи этого заведения самозабвенно боролись с зеленым змием.

Антон бросил взгляд в дальний от двери угол, где в полумраке ютился одинокий столик, за которым в настоящий момент находилось несколько человек. Вблизи от него других столов не наблюдалось, что было вполне объяснимо. Находясь в сумрачном углу, посетитель первым замечал вошедшего благодаря хорошему обзору, а некоторая удаленность других столов позволяла общаться в относительной уединенности.

– Здравия честной компании.

– И тебе не хворать, – лениво ответил один из сидевших за столом, искоса поглядев в его сторону. Варлам также находился здесь, но весь его вид выражал явное неудовольствие от появления этого рослого мужчины в костюме, никак не соответствующем этому заведению, и с котелком в руке.

– Варлам, переговорить бы, – дипломатично заговорил Антон.

– Это срочно? – нарочито лениво бросил главарь ватаги. Антон не стал заострять на этом внимания, делая вид, что все идет именно так, как и должно идти. Незнакомец пришел к пахану, тот же ведет себя, как и подобает хозяину положения.

– Да, срочно, – извиняющимся тоном ответил Песчанин. Но если этот тон и обманул ватажников, то никак не мог обмануть самого Варлама. Поэтому тот поспешил закончить комедию:

– Браты, нам тут пообщаться надо малость, так что не обессудьте.

– Да нет проблем, Варлам. Айда, ребята, – подхватил тот самый детина, что поздоровался с Антоном.

– Как поживаешь, Варлам? – устроившись напротив него, поинтересовался Песчанин, когда они наконец остались одни.

– Кажется, мы уже рассчитались, – с ленцой ответил тот, однако как ни пыжился вор, внимательному наблюдателю стало бы сразу понятно, что хозяин сейчас испытывает нештучное внутреннее напряжение.

– Прекрати, Варлам. Я просто поздоровался. А с тобой – да, мы в расчете.

– Тогда, значит, прощайте.

– И даже не выслушаешь, зачем я пришел? – не обращая внимания на угрюмый вид собеседника, продолжал Антон.

– А чего слушать-то, коли мы в расчете?

– Просто я хотел предложить тебе работу.

– От работы мухи дохнут.

– Это смотря от какой, и смотря сколько за нее получаешь.

Всем своим видом выразивший нетерпение, ожидая ухода незваного гостя, Варлам вдруг подобрался, и в его глазах мелькнул алчный огонек:

– И что за работа?

– Во-первых, мне нужна наводка. Но только не мелочовка какая, а солидный куш. Эдак тысяч на двадцать – тридцать, не меньше. Если будет с наработкой, то пойдет, если нет – не беда, сам справлюсь. В деле с нами никто не участвует, работать будем сами, ну и, как ты понимаешь, о нас никто не должен знать, ни одна живая душа.

– И сколько мне обломится?

– Четверть.

– Солидно. Ну что же, если так, то есть одно дельце, – задумчиво ответил пахан. – Вот только опасно это. Шершень еще подбивал клинья к нему, да только мы тогда еле ноги унесли. Только четверо нас и ушло из десятка. Короче, есть один ювелир, рыжья и каменьев немерено, живет в большом особняке на Светланской.

– Не подходит. На золотых украшениях погореть можно в два счета.

– Знаю я одного скупщика – товар примет в лучшем виде, и все будет шито-крыто, – возбужденно зашептал вор.

– Варлам, мне неоправданный риск ни к чему. В мои планы вовсе не входит бегать с тачкой по Сахалину. С палеными вещами я связываться не стану. Только наличные.

– Так там и наличности немало. Банков у нас, вишь, нету, вот он все денежки у себя дома и хранит. Как нас его кавказцы пощипали, так он и вовсе уверился в неприступности своего дома. Да и то сказать, после того случая никто и не хочет с ним связываться.

– Сколько их?

– Пятеро, но бойцы отменные – что нож, что пистолет, что винтовка, да и без оружия будь здоров. Губов только бровью поведет, и все: был человек – и нет человека.

– А что же полиция?

– Легавым-то что. Губов мзду подкинет – и те тихонько дело в архив: чай, не честной люд режут душегубы, а нашего брата, – так легавым и работы меньше. Губов этих басурман с Сахалина вытащил, а там, сказывают, им здорово досталось от «людей», так они и свой интерес имеют, когда с нашим братом разбор ведут. Даже дурные на голову хунхузы не связываются с Губовым.

– А с чего ты взял, что в доме и наличка имеется?

– Дак говорю же, ювелир один из первых, все иностранцы только с ним дела имеют. А как цапки без наличности прикупить?

Антон задумался. Крепко задумался. Пойти на такой шаг ему было нелегко, но он наступил себе на горло и решился. Вот только по всему выходило, что самому ему это дело никак не потянуть, а захочет ли Гаврилов в это влезать – это большой вопрос. При всем при том, что Песчанин был хорошим рукопашником, свои силы он рассчитывал трезво. Нет, без Семена, с его диверсионными навыками, этого дела никак не потянуть. Просить Варлама о другой наводке? Не так уж и велик Владивосток, но что-то найти побезопасней возможность все же существует: купцов, причем и иностранных, здесь хватало.

Да о чем это он? Неужели он и впрямь решил, что сможет сделать что-либо подобное? Нет, все же перешагнуть через себя у него, пожалуй, не выйдет – как он ни хорохорился, направляясь сюда, но, похоже, все впустую. Видно, пока придется отказаться от всех задумок.

Деньги пока есть, выйти в свет еще несколько раз, срубить еще рублей двести. Этого с лихвой хватит на снаряжение, а там двигать на Колыму: два года – и они вернутся с солидной суммой, с которой можно будет начинать, правда, теряется минимум год, но, как говорится, за неимением гербовой пишут на простой.

Варлам правильно расценил молчание собеседника, во многом угадав, что творится у него на душе. Жизнь у него складывалась не под безоблачным небом, так что повидать ему пришлось немало, а потому разбираться в людях он умел. Вот не вязался у него образ Песчанина с бандитской средой – и все тут. Но если уж есть возможность заработать, то отчего же отказываться, тем более что это ему не будет стоить ничего, – он просто выдаст информацию и за это получит наличные. Да только тот, что готов таскать для него горячие угли из костра, вот-вот даст задний ход, а тогда никакого прибытку.

– Есть еще одно дельце, – задумчиво протянул Варлам.

– Спасибо, но сдается, у тебя все наколки такие, что впору самому ложиться в гроб, – усмехнулся Антон.

– Бросьте, – перешел вор на «вы», – я ить вижу, что не этих детей гор вы испугались. Шли сюда замараться по самую маковку, а как пришли, так и поняли, что не ваше. Скажете, я неправ?

– А ты неглуп, Варлам.

– Дураки много не живут. Так вот. Есть здесь один купец... Да вы погодите, выслушайте. Женился он недавно да с женой, молодой красавицей, и приехал сюда. Купец уважаемый и богатый, китаец. Днями его жену хунхузы выкрали. В полицию он не пошел, потому как сам разобраться хочет. Хунхузы ему предложили выкупить женушку. Просят ни много ни мало – сорок тыщ, если на наши.

– И что?

– А то, что купец сейчас денежки собирает.

– Его понять можно. Полиция нападет на след или нет, опять же сумеет освободить или нет – неизвестно, может, прибьют девку при задержании, – вот и готовит выкуп.

– Девку-то он любит, но только не выкуп он собирает. Он тут к «людям» обратился. Готов заплатить все сорок тыщ, но чтобы всех тех хунхузов на встречу с их Буддой отправили.

– А если жена погибнет?

– Если жену живой не вернуть, то он готов выплатить только половину, но и то деньжищи-то какие.

– Не понимаю.

– А чего тут непонятного? Он ведь купец. Так он всем покажет, что трогать его – себе дороже. О будущем купец думает.

– Так, а мне-то ты об этом зачем говоришь, если все гопники уже на след стали?

– Не все, но одна ватага сейчас носом землю роет, а толку-то? Поди найди тех хунхузов, тайга большая.

– А я, стало быть, враз всех найду.

– Если я подскажу, то найдете.

– Все, я запутался. Ты знаешь, где засели хунхузы, и можешь срубить двадцать или при удаче сорок тысяч, но предлагаешь мне эту работу, соглашаясь на куда меньшую сумму. Я верно тебя понял?

– Верно, да не верно. Глаз-то видит, да зуб неймет. Их там около десятка, да оружные, да в голове ветер так свищет, что ничего не боятся, – моя ватага ни при каком раскладе не потянет. А говорить кому, чтобы объединиться, то прибыток вовсе не такой выйдет. А так если четверть положите, то что же... Пользуйтесь. Ну а чтобы мне вовсе без дела не сидеть, то купца я на себя возьму. Поучаствую, как говорится.

Это уже было другое дело. Риск, конечно, но тут уж Гаврилов со всем уважением и своим профессионализмом, так что их двое получается. Из Антона вояка, правда, так себе вояка, но Семен, если правда хотя бы половина из того, что он рассказывал, способен на многое.

– Оружием помочь сможешь?

– Я вас умоляю – если только не пушку закажете, а так стволы сделаем.

– Четыре револьвера.

– Заметано. Денег не надо, будет мой вклад. Завтра поутру занесу. Да не смотрите вы так. Ну да, знаю я, где вы живете, город-то – в одном конце присядешь, в другом воняет.

Глава 5

Схватка с хунхузами

– Командир, я, конечно, не из трусливого десятка, да только авантюра это чистой воды, – едва слышно, одними губами прошептал Семен. В ночном лесу звуки разносятся далеко, даже если это тайга, так что излишне шуметь незачем.

– Тебе не кажется, что сейчас уже несколько поздно? Как говорится, мы на точке, – так же тихо ответил Антон.

Они затаились на опушке весьма большой проплешины, от них до ограды заимки было метров тридцать, за ней тоже находилось свободное от леса пространство, где был разбит огород – во всяком случае, так сказал Варлам. Хозяин жил в основном охотой и добычей пушного зверя – вот и обосновался на поляне в глуши, подальше от посторонних и поближе к предмету промысла. Со слов Варлама выходило, что хунхузы то ли захватили всю семью, то ли порешили ее, обосновавшись в глухом уголке.

За то, что их обнаружат, Антон особо не переживал. Как только Гаврилову стало известно о предприятии, то первое, что он сделал, – это настоял на покупке нового гардероба для более удобного шастанья по тайге: извальял его в грязи, чтобы был менее заметен; лица они вообще смазали маслом, смешанным с сажей. Так что маскировка была достаточной, вот только улыбаться не рекомендовалось: контраст белых зубов с черным лицом был таким, что казалось – включали подсветку.

К тому же с подворья слышались приглушенные расстоянием голоса и другие звуки деятельности человека – видать, еще не укладывались. Что именно происходило за высоким забором, видно не было, зато была и высока вероятность того, что выставленный часовой среди этого шума не сумеет расслышать ничего другого.

– Это-то понятно. Но что нам известно? Заимка. Два больших сарая, конюшня, сеновал да дом в три комнаты. Где посты? Сколько их? Как меняются часовые? Нам ничего не известно. Мы даже не знаем точного количества банды. Около десятка – это понятие такое: может, и семь, а может, и двенадцать. Нужно хорошенько все разведать, проработать операцию от и до, да и то не факт, что все по плану пойдет. Обычно все летит к чертям, как только первый шаг делаешь.

– Нет у нас времени. Если конкуренты узнают, то попрут напролом, и чем бы это ни закончилось, для нас всюду будет одна большая задница, потому как если хунхузы отобьются, то сразу сменят место, не смогут – деньги тю-тю.

– А может, это подстава? С чего нам Варламу верить? Вот пойдем сейчас всех по-тихому резать, а там окажутся вполне себе нормальные люди. И что тогда? В общем, так, командир. Давай здесь буду командовать я. – А что тут возразишь? Варламу безоговорочно верить конечно же нельзя. Это он погорячился, когда узнал об относительно честной возможности заработать. Почему относительно? А убийство? Ведь заказчику трупы подавай. И потом, Гаврилов прав: это не море и под ногами не палуба корабля. К тому же голоса-то слышны, а вот на каком там говорят, непонятно – может, на русском, а может, и на китайском, да и заимка вполне могла принадлежать тем же китайцам: мало их переселилось из Поднебесной? Так что Антон только согласно кивнул. – Сначала разведка, а потом будем действовать. Риск есть, но будем надеяться, что конкуренты еще один день пробудут в неведении. Сейчас возвращайся к Варламу и вяжи его, а я пока тут полазаю вокруг, понюхаю. До рассвета не жди и не переживай. Собачек они вроде как и впрямь повывели, иначе уже давно брех подняли бы, – хоть с этим проблем не будет. Все, я пошел.

Семен белозубо улыбнулся и скользнул к ограде. Не сказать, что он проделал это абсолютно тихо: если у него и были навыки охотника, то он изрядно их подрастерял. Но если охрана

не будет сильно вслушиваться, то вполне терпимо. Во всяком случае, Антону очень хотелось в это верить.

Обратный путь прошел без приключений, если не считать того, что в ночном лесу он немного заплутал. Темнота не была полной: половинчатая луна давала немного света, – так что худо-бедно Антон все же сумел сориентироваться и выйти на проселок, петляющий между деревьями. Проселок – это так... Слишком громко сказано. Слегка наезженная хозяином лесного хуторка колея, которая скорее определяла направление движения на заимку. Сама заимка была примерно в пятнадцати километрах от Владивостока. Как видно, хозяин не больно-то любил общение и хотел держаться подалеже от небольшого, но шумного города. Но по всему выходило, это его стремление сыграло с ним злую шутку: жив ли он или нет, Варлам не знал.

Как бы то ни было, но для того чтобы сориентироваться, этой стежки было вполне достаточно, так что вскоре Песчанин увидел поваленный у дороги кедр и уверенно принял к северу, а еще через минуту, как ему казалось, тихо подкрался к Варламу, но ему это только казалось.

– Не шевелись – или пальну, – послышался угрожающий голос.

– Варлам, ты бы поаккуратней, не то дырку сделаешь, потом не запломбируешь.

– Это вы? – Вот так вот. До Антона Сергеевича вроде как не дорос, но и на «ты» не обращается, – получается что-то среднее, ну да не беда.

Честно признаться, направляясь сюда после слов Семена, Песчанин подумывал о том, что Варлама здесь не будет. И впрямь как-то уж слишком он ему доверился, ну и Гризли на автомате пошел за командиром. Осталось только выяснить – один он или к нему подельники присоединились.

Как выяснилось, один. Ну, один или нет, выхода-то особого не было, – конечно, как бы после драки получается, а с другой стороны – Семен тоже прав.

Приблизившись к вору, Антон сноровисто заломил ему руку за спину, и практически сразу его правая рука легла на горло Варлама, безжалостно сдавливая трахею, но не так чтобы фатально, а без фанатизма – чтобы предупредить крик. Сделано это было вовремя, и вместо крика и проклятий Варлам только силло захрипел.

– Спокойно, Варлам. Наш договор остается в силе – если ты нас не обманул, то все будет тип-топ. Сейчас я отпущу твое горло, если хотя бы попытаешься крикнуть – я тебя убью. Все понял?

Тот в ответ изобразил кивок, так как кивнуть нормально у него не вышло бы при всем желании.

– Кхы-гм-м. Ох, и суматошные вы, – прохрипел вор. Надо отдать должное, даже при том, что кричать сейчас он все равно не смог бы, говорить он пытался тихо, отчего его слова были едва различимы. – С недоверия нужно начинать. Будь у меня умысел – так вас сейчас здесь встретили бы и в перья взяли, так что вы и пикнуть не успели бы. Ладно, что там у вас дальше? Вязать будете, что ли?

– Извини, но придется. – Слова Варлама были верными, а оттого еще больше обидными, так как глупость ситуации Антон прекрасно осознавал и без подсказок.

– Ладно, чего уж там. Вяжите. За пять косых можно ночь потерять.

– Что же ты сразу по малой? – все же выпустив Варлама, поинтересовался Антон.

– Да делаете все больно бестолково, – разминая горло, продолжил давить на мозоль Варлам. – Где уж вам девку выручить. Вязать-то будете?

– Обойдемся. Если так, то и хунзузов нам не порешить, а тогда и малая доля плакала.

– Э не-эт. Хунзузов вы порешите, в этом я уверен. Ладно, раз уж вязать не будете, тогда я спать лягу, – расстилая на телеге пиджак, заявил вор. – Все одно мне веры нет, так что вы спать не ляжете, а чего двоим-то бессонницей страдать.

Утро было сырым и промозглым, по спине раз за разом пробежал озноб. Ночь уже уступала свои права, видимость значительно улучшилась, но солнце еще не взошло, чтобы напоить

землю живительным теплом. Песчанин с завистью посмотрел на телегу, которую предприимчивый Варлам у кого-то арендовал. Путь неблизкий – так чего ноги бить, если можно за пару верст свернуть с дороги в лес. Как видно, вора тоже достала прохлада, но он быстро разобрался с неудобством, зарывшись в сено, что было набросано на подводу, так что сейчас Варлам блаженствовал, вкушая самый сладкий, предрасветный сон.

Утро все больше вступало в свои права. Взошло солнце, и первые его лучи стали пробиваться сквозь листву, ласково поигрывая на лице, даря живительное тепло. Конечно, скоро станет жарко, но сейчас солнышко радовало, прогоняя зябкий озноб.

Справа сухо треснула ветка, Антон тут же вскинулся и направил в сторону звука оба револьвера, что у него были. Варлам раздобыл обещанное оружие: два револьвера сильно напоминали те, что Песчанин видел в фильмах о ковбоях, – может, кольты, а может, и смит-вессоны, в стрелковом оружии он не разбирался. Другие два напоминали те, что он видел в фильмах об англичанах в колониальной Индии: с плоскими с боков стволами, и заряжались они переломом ствола с барабаном. Эти-то и были сейчас у него в руках.

Между деревьями мелькнул силуэт здорового мужика – Гризли было сложно с кем-либо спутать. Тихо чертыхаясь, Гаврилов вскоре приблизился к Антону, дыша совсем не так, как должно тренированному человеку. Антон и сам заметил, что стал сильно сдавать: все же за последнюю пару лет он основательно забросил физподготовку.

– Фигня все это. Надо начинать спортом заниматься, не то прокурю последние легкие. А ты чего это, командир, обоими стволами разом? Никак решил стрельбу по-македонски показать? Или фильмов про ковбоев насмотрелся?

– Да вот как-то...

– Ты ерундой прекращай заниматься, стрельба из пистолета – это тебе не из орудия шмалить, а ты сразу с двух рук... Глупость это. Главное, что у тебя есть еще один снаряженный револьвер, вот и вся надобность во втором стволе.

– Как там? – смущенно отведя взгляд в сторону от наставительного тона Семена, поинтересовался Антон. А что тут скажешь, в этом он был дилетантом.

– Нормально. По ходу не соврал Варлам, – легко сменил тему Гаврилов.

Сено на телеге зашевелилось, и из-под него на свет божий появился предмет разговора, сладко потягиваясь и блаженно щурясь. Увидев мичмана, он озорно ему подмигнул и еще раз картинно потянулся.

– А, Семен вернулся, – зевнув, проговорил вор. Вот Семена он по имени величал, не стеснялся. – Ну как, все вызнал?

– Не понял, – растерянно глянул Гаврилов на Антона.

– Да ну его, – махнул рукой Антон.

– Ага. После драки, стало быть.

– Ну, что-то такое.

– И то верно. Наука на будущее будет. Ладно, хорошо все то, что хорошо кончается. Правда, у нас еще ничего не начиналось. Короче. Двенадцать хунхузов. А я о чем? – перехватив взгляд Антона, пожал плечами Гаврилов. – Хозяев они держат в сарае, на ночь связывают, но днем выпускают, дают управиться по хозяйству, но за забор не выпускают. В общем, не лютуют особо, да им-то до хозяина большого дела и нет: если все так, как рассказал Варлам, после такого куша они, скорее всего, подадутся отсюда. Может, в Китай вернуться, но не суть важно.

– А пленница?

– Ту тоже, видать, морить не собираются, а хотят произвести честный обмен. Выпускают по двору гулять, но за всеми постоянно присматривают. Держат там же, в сарае. Служба организована так себе. На подступах к заимке – никаких секретов. Один часовой у сарая, второй на крыше сидит. Когда к смене подходит, тот, что на крыше, идет в дом и будит смену, после

того как смена приходит, второй уходит спать. Собак нет – как видно, все же повывели, псы-то, видать, ни в какую не хотели признавать новых постояльцев, но это нам на руку.

– Думаешь, потянем?

– Потянем. Вот только подготовимся – за два дня управимся, а послезавтра ночью и нагреем. Как, Варлам, когда там обмен назначен?

– До срока, что купцу дали, еще почти неделя. Деньги-то у него основные не здесь, а в Маньчжурии.

– Значит, время есть.

– А если Сенька Кривой нагрет?

– А ты не спи. Направь его куда в другую сторону. Придумай что-нибудь.

– А чего сегодня же не нагрнуть?

– Запрягай. Поехали уж.

Варлам быстро подтянул упряжь – лошадь так и не распрягали, немного дав послабление сбруе, – после чего они выехали на дорогу и отправились в обратный путь.

– Сегодня никак, – продолжил Семен, трясаясь в телеге и удобно развалившись на сене: за ночь ему пришлось немало поползать, пребывая в постоянном напряжении. – Мы ведь тебе не рэмбы какие.

– Кто?

– Ты правь, правь. Так вот. Их там двенадцать, да все при берданках, да у половины револьверы есть, и обращаться они с ними вроде как умеют, во всяком случае, как палку не носят. А нас двое. Худо-бедно двоих, что на часах, при смене мы снимем. Остальных постараемся в ножи взять, да только не факт, что они все мирно почивать будут, когда мы их резать станем. И что тогда делать?

– Моих хотите в дело взять?

– От твоих толк, только если в глухом переулке горожан потрошить, – махнул рукой Семен, чем успокоил встрепенувшегося Варлама: как видно, делиться в его планы не входило. – Подготовиться надо. Я тут кое-что прикинул, так что если все сделаем, то и сами управимся.

– Я вот о чем думаю, – вмешался Антон. – А хозяева заимки потом в полицию не побегут? Ведь сколько человек покрошим. – Отчего-то в том, что у них все получится, Антон не сомневался: уж больно уверенно держался Семен.

– Не должен. Лютовать-то они не лютуют, но морды обоим начистили – будь здоров. Видать, еще в первый день, но те до сих пор опухшие. Опять же удовольствие малое несколько ночей связанным валяться. Варлам, ты вот что. Пороха побольше достать сможешь? А если пироксилин, так и вовсе песня.

– Так порох или пироксилин?

– А что можешь?

– Хоть то, хоть другое. Но цена разная будет.

– Дорого?

– Не дороже денег.

– Ну, тогда нужно четыре маленьких шашки и шесть запальных капсюлей.

– Сделаем. Буровые подойдут – они вот такие? – показал он размер шашек разведенными указательным и большим пальцами и, получив согласный кивок, продолжил: – Но тут уж денежки с вас. Я поистратился на пистолеты.

– Деньги будут, – уверенно заявил Антон, решив пустить в расход последнюю заначку, где оставалось около ста пятидесяти рублей: должно было хватить.

В город они прибыли уже к обеду, предварительно отмывшись у одного из ручьев. На самой окраине друзья соскочили с подводы и повернули к дому. Варлам направил лошадку в другую сторону, пообещав заглянуть за деньгами ближе к вечеру, как только договорится насчет товара.

Войдя в дом, они обнаружили Сергея и Анну мирно о чем-то беседующими в столовой, расположившись на стоящих рядом стульях, при этом у обоих вид был слегка смущенный. Словно пионеры на первом свидании, отчего-то подумалось Антону.

– Анечка, а вот и мы. – При звуках жизнерадостного голоса Антона оба встрепенулись и, засмутившись еще больше, дружно залились румянцем. Кажется, они с Гавриловым немного не вовремя. – Хм. Мы это... Пообедать бы, Анечка.

– Конечно-конечно, – засуетилась девушка. – Вот и Сергей Владимирович без вас не садится. Давно уже ждем. Умывайтесь – и за стол.

– Ага. Это мы мигом, – так же смущенно прогудел Гризли. Значит, Антону не показалось и они и впрямь немного не вовремя.

– Хм. Пойду Романа Викторовича позову. Он в лаборатории остался вас дожидаться.

Зимов, чтобы не ходить через весь город, так как жил на другом конце, в последнее время оставался обедать с ними. Работы было много, так что они решили не терять времени бездарно на хождения туда-сюда.

Когда после обеда они оказались в лаборатории, Семен, вооружившись карандашом, быстро накарябал – ну уж чертежом его каракули никак не назовешь – то, что ему нужно.

– Корпус можно и из жести. Внутри помещаем пироксилиновую шашку. Здесь сверху устанавливаем замедлитель, ну запальную трубку с капсюлем-детонатором, секунды на четыре, воспламеняется он от капсюля, подойдет любой, лишь бы воспламенил замедлитель, а над ним пружинка, чтобы боек не болтался, обратная сторона бойка торчит наружу – можно и гвоздь приспособить. Все это в медной трубке. Берешь в правую руку, левой бьешь по бойку – он накальвает капсюль, тот – воспламенитель – и бросаешь. Просто так и со вкусом.

– Это что же, бомба получается? – удивился Зимов.

– Она, родимая.

– Странно. Никогда такой конструкции не встречал, только с простыми фитилями. А где вы это видели?

– Да нигде я это не видел. Вот пришло на ум, а раз уж мы все что-то изобретаем, вот и подумал, что можно будет предложить нашему Генеральному штабу. Ну, если все выгорит.

– Конструкция простая донельзя. Я уверен, что сработает.

– Вы вот что, Роман Викторович. Вместе с Семеном Митрофановичем к завтрашнему обеду изготовьте четыре таких изделия, – вмешался Антон, полагая, что больше им вряд ли понадобится.

– Так, а откуда вы взрывчатку возьмете? А потом, зачем четыре? По-моему, и одной хватит.

– Одна – это не опыт, а так, баловство. Из одной статистики не выведешь, – лихорадочно соображая, пытался разрулить Антон. Вот Семен удружил так удружил. Хоть бы предупредил. Да и он хорош – мог бы и поинтересоваться, что тот задумал. – Взрывчатку мы где-нибудь раздобудем, на крайний случай для опыта и порох подойдет, а его-то достать не проблема.

– Хорошо. Сложностей особых я не вижу. Думаю, что к завтрашнему обеду все заготовки будут выполнены, останется только зарядить. Вот только пироксилин нужен еще до начала работ или хотя бы размеры шашки – они разные.

– Хорошо. К вечеру они будут у вас. Ну как, господин инженер, справитесь?

– Да, собственно, ничего сложного нет. Постараемся управиться. Только непонятно – отчего такая срочность? Работы у нас и без того много.

– Ну знаете, как говорится, куй железо, пока горячо: ваших дел за пару часов не решить, а вот с нашим куда быстрее можно управиться. А чтобы до вечера время не терять, вы пока запалами займитесь, я имею в виду механику, а как все остальное появится – так и дальше продолжите. Не будете укладываться – не стесняйтесь, привлекайте нас.

Вопросов у Зимова было еще много, и главный из них – это непонятная спешка. Вот так, ни с того ни с сего, бросай все и принимайся за осуществление затеи, вдруг возникшей в голове работодателей. Непонятно все это. Все сомнения Зимова легко читались на его лице, но было также понятно и то, что он примется за новое поручение с присущей ему скрупулезностью и напором, причем лишних вопросов не задавая. Это вполне устраивало Антона.

Раздав указания, они с Семеном направились в дом, отсыпаться. Все же бессонная ночь, полная нервного напряжения, их изрядно вымотала, отдых нужен был и нервной системе, и, что немаловажно, телу.

До обеда управиться все же не сумели, но к вечеру следующего дня Антон уже вертел в руках изделие умельца Семена Митрофановича и инженера Романа Викторовича. Граната «системы Гаврилова» выглядела совсем невпечатляюще. Небольшой цилиндр из гнутой жести, причем жечь пошла от консервных банок, не иначе, осколки будут один смех, но в закрытом помещении эффект должен был быть серьезным от самого взрыва. Сверху торчала медная трубка взрывателя, которая была просто плотно вставлена в отверстие верхней крышки цилиндра. Из конца трубки высовывалась шляпка обычного гвоздя с деревянным чурбачком в качестве набалдашника, чтобы не поранить ладонь при ударе, в гвозде и трубке было проделано общее отверстие, и в него была вдета проволочка. О предохранительной чеке не было сказано и слова, но Зимов сам догадался, что во избежание случайного накола капсюля боек лучше зафиксировать. А что, молодец.

Одобрение было написано и на лице Гаврилова. Лица же самих мастеров, представивших изделия, в отличие Антона и Семена, радости не излучали. Как видно, неказистость конструкции им резала глаз и не вызывала чувства удовлетворенности выполненной работой.

– И чего радуетесь, – недовольно пробурчал слесарь. – То ж не работа, а смех один. Вот если бы времени побольше, да подумать подольше, да сработать без спешки, куда более ладно можно было бы сделать. Тогда и радоваться можно было бы. А так...

– Ничего, Семен Митрофанович. Это же опытные образцы. Вот если сработает и в таком виде, тогда можно будет и доработать, – жизнерадостно заявил Антон.

– На лишних капсюлях я проверил работу запала – работает нормально, осечек не было, замедление получилось четыре-пять секунд, как вы и просили. Вот только не мало ли?

– А зачем больше? Пока замахнешься, пока она летит, секунды три пройдет, а там и супостат разбежаться не успеет. На этот счет не переживайте, все нормально, – уверенно заявил Гаврилов.

– Так-то так, но это же опытный образец, можно было бы и подольше, – с сомнением заявил Зимов.

– Не волнуйтесь. Все нормально, – поддержал Гаврилова Антон.

– Когда будем испытывать? – задал слесарь всех интересующий вопрос.

– Так завтра в первой половине дня и испытаем. Не идти же за город на ночь глядя. До завтра, Роман Викторович, Семен Митрофанович.

А что им было делать, коли с ними так категорично распрощались? Тоже попрощались и пошли каждый к себе домой, пребывая в растерянности. Для чего понадобились эти бомбы, отчего такая спешка? Каждый из них боролся с желанием посетить полицейское управление, однако, к счастью для провалившихся во времени, решили повременить до завтра и поглядеть, что будет дальше. Вот только на завтра был выходной, о чем они все благополучно позабыли.

Когда они наконец остались одни, Сергей все же задал столь интересующий его со вчерашнего дня вопрос. Раньше все как-то не выходило – то эти двое ухарей спали, то рядом крутились посторонние, то они уходили, так что возможность появилась только теперь.

– Ну и что это было?

– Ты о чем, Сережа?

– Антон, зачем вам понадобились гранаты?

– Эти поделки ты называешь гранатами? Ты меня поражаешь.

– Нет, блин, это шутихи.

– Во-во, прямо в точку, шутихи и есть. Ты что, решил, что мы собираемся организовать теракт и завалить какого-нибудь местного представителя власти? Ей-богу, я думал, у тебя с фантазией куда лучше.

– Антон.

– Господи, Сережа. Да что это может значить, как не то, о чем мы и говорили. Конечно, можно было бы представить уже готовую схему нормального запала, но на нас и так косятся из-за избытка идей, вот и подали сырую и неказистую схему. Постепенно мы ее доработаем – и вуаля, станем производить гранаты. Как говорится, все для фронта, все для победы.

– Какого фронта? Какой победы?

– А что, войн больше не предвидится? Глупостей не городи. Ты лучше скажи, что у тебя с Анечкой, – резко перевел разговор в другое русло Песчанин.

– А что у меня с Анной Васильевной? – сразу же растерялся Сергей.

– Сережа, ты же не еврей вопросом на вопрос отвечать. Учти, девушка она правильная, так что если ты не в состоянии удержать в штанах свои подробности, лучше сразу скажи, вопрос решим, а честную девушку обижать я не позволю.

При этих словах Звонарев покраснел как мак и, смутившись, тут же устоялся на носки своих туфель, переминаясь с ноги на ногу. Сергей всегда тяжело сходился с девушками, так как при общении с ними он либо настолько смутился, что не мог сказать и «му», поддерживая разговор только односложными «да», «нет», «не знаю», либо его заносило на такие темы, которые ну никак не могли быть интересны девушке, настроенной на романтический или игривый лад, если только она не была повернута на точных науках. Помнится, в училище Антон пытался взять над ним шефство в плане организации досуга с целью сброса накопившихся гормонов, но Звонарев всегда умудрялся открещиваться от подобной опеки. Вот, похоже, теперь все возвращается на круги своя.

– С чего ты взял, что я хочу ее обидеть?

– Ну, не знаю. Мы с Семеном хотя и не регулярно, но этот вопрос решаем, а ты все время чем-то занят, только не своим здоровьем, а это ведь не в последнюю очередь еще и здоровье.

– Антон, как ты мог о ней такое подумать! – возмутился Звонарев, метнув в него злой взгляд.

– Если ты помнишь, как раз такого о ней я и не подумал, а сказал, что она честная девушка. Так что не закипай. Слушай, а может, женишься?

– Чего-о?

– А что? Нормальный вариант.

Вопрос Антона застал Звонарева врасплох и настолько задел, что он как-то не обратил особого внимания на то, что оба его товарища подались на выход и заодно уволокли все четыре опытных образца.

– Командир, а зачем ты ему про Аню вернул? – поинтересовался Семен, когда они пылили по улице к окраине города, где их уже должен был поджидать Варлам.

– Чтобы от гранат отвлечь. Я Сережу хорошо знаю. Если бы он узнал, что ради заработка мы решили рискнуть жизнью, то нипочем не остался бы дома и увязался бы за нами, а оно нам надо?

– Не-э, Владимирыч пусть лучше лоб морщит, а головы под пули лучше нам подставлять.

– Вот и я о том.

– Ну и правильно. Слушай, а ведь насчет Ани ты в точку попал.

– Заметил?

– А то. Хорошая получится пара, если только после женитьбы она в стерву не превратится.

– Вроде не должна. Вон Варлам. Заждался уже.

Без каких-либо приключений они добрались до того места, где два дня назад оставляли подводу и Варлама. По дороге Семен подробно инструктировал Антона, как именно они будут действовать и где должен находиться Песчанин. Как и предполагал Антон, основную роль Семен отвел себе, справедливо полагая, что у него это всяко лучше получится. В ситуации, когда противников будет в разы больше, каждое мгновение сомнений может им стоить жизни, так что своему командиру бывалый диверсант оставил роль прикрытия. Можно было бы попробовать и возразить, но смысла в этом Антон не видел. Он вполне трезво оценивал свои возможности. Здесь ведь речь не шла о том, чтобы вырубить противника: его нужно будет убивать, причем в предложенном варианте – резать спящих, а это далеко не то же, что резать бодрствующего и готового защищаться противника. Мерзкая работенка, на такое способны не все бывалые бойцы.

До заимки добрались без особых приключений. На опушке леса они замерли, переглянулись, и Семен, вероятно заметив напряжение Антона, предложил:

– Может, я сам?

– Я в порядке. Не переживай, если и начну блевать, то после. Пошли.

– Пошли, – согласно кивнул Семен.

Быстро и по возможности тихо они перебежали к забору, после чего двинулись вдоль него, при этом Семен самым внимательным образом ощупывал грубые доски, разыскивая обнаруженный вчера лаз. Как видно, его сделал сын охотника – чтобы иметь возможность убежать из-под родительской опеки, другого объяснения не было. Ну да и слава богу, им это пришлось как нельзя кстати. Пару раз Антон слышал, как под его ногами приглушенно хрустели маленькие веточки. Он помянул добрым словом Гризли, так как по его настоянию ноги они укутали в старое тряпье, которое теперь не только приглушало их шаги, но и гасило звуки ломаемых под подошвой веток.

Через лаз они проникли на подворье сразу за сараем – как видно, там был сеновал, так как никакая животины не была ими потревожена и не выказала своего недовольства. Обогнув сарай, они вышли к боковой стене дома. Семен показал Антону на угол дома, где стояла приставленная лестница. Потом показал, чтобы он оставался на месте, а сам скользнул под лестницу, где прикинулся ветошью.

В ожидании прошел примерно час. От неподвижного стояния на одном месте у Песчанина уже начали затекать конечности и слегка ломить спину, когда послышались тихие шаркающие шаги по кровле, а затем кто-то поставил ногу на перекладину. Антон поднял пистолет с уже взведенным курком, готовый в случае необходимости прикрыть Семена, в левой руке он сжимал гранату, вторая была в кармашке жилетки, а второй револьвер заткнул за пояс.

Едва ноги спустившегося охранника коснулись земли, как вывернувшийся из-под лестницы Семен вогнал ему нож точно в шею. Раздался мерзкий хрип, перемежаемый бульканьем. Антон, конечно, был настроен решительно и утверждал, что его не вывернет, но, похоже, он переоценил свои силы, так как желудок резко скакнул вверх. Хорошо хоть по совету Гаврилова он с обеда ничего не ел, уже часа четыре испытывая страстное желание что-нибудь проглотить, так что выплеснуть ему ничего не удалось. Чертыхнувшись про себя, он унял рвотный позыв и показал Семену, что все в порядке.

Со вторым Семен разделался быстро, хотя и не так бесшумно, как с первым. Нож, брошенный с расстояния шагов в десять, вошел точно между лопатками хунхуза и с такой силой, что его бросило на ворота, створки отдались глухим стуком, потом брякнула выроненная винтовка, в довершение разделся приглушенный стон.

Гаврилов, подобно огромному коту, молнией метнулся к часовому и тут же, навалившись на него, схватил за горло, чтобы предотвратить возможный стон или крик, если тот еще жив. Но эта предосторожность оказалась излишней: хунхуз умер практически сразу.

Одновременно с Семеном из укрытия выскользнул и Антон, но только он не стал подбегать к сраженному часовому, а взял под прицел дверь дома – все, как и инструктировал Гаврилов. Из-за бурлившего в крови адреналина рука с револьвером непроизвольно тряслась, так что, появившись кто сейчас в дверном проеме, Песчанин не смог бы утверждать, что попал бы в него, хотя дверь была в каких-то пяти шагах. Но руку, в которой сжимал гранату, он все же не забыл держать слегка на отлете, так как чеки уже не было, и легко можно было случайно наколоть капсулю, а тут уж какая скрытность – поди их выкури из дома.

Подойдя к Антону, Семен показал два пальца – мол, минус два. Ну, это-то Песчанин и так понял. Следом за мичманом поднялся по крыльцу, благо ни одна доска не скрипнула, Антон следовал за ним в двух шагах, нервно облизывая губы. Пока прогноз Семена о летящих в тартарары любых планах не сбывался, все шло как надо. Черт! Накаркал.

В сенях Гризли остановился, и оттуда послышалась приглушенная возня. Антон метнулся вперед, едва не задев косяк двери. Но в его помощи необходимость не возникла. Вот и первая неожиданность. Был-таки и третий часовой – сидел в сенях. В дом если и можно проникнуть, то только через дверь: оконца совсем небольшие, хотя и не закрыты ставнями, потому и выставили хунхузы третий пост в сенях. Вот только часовой беззастенчиво дрых, за что и поплатился. Расслабься Гаврилов хоть немного – и мог проморгать устроившегося в уголке на табурете бандита, а так все прошло нормально.

Показав три пальца, бывший боевой пловец потянул дверь на себя. Хозяин все же в доме был справный: петли смазаны, дверь отворилась без ожидаемого скрипа. Прошли в комнату.

Света было совсем немного, несмотря на то что окна были открыты и было их здесь целых два, так что темнота стояла весьма плотная. Но здесь на помощь и на свою погибель пришли сами хунхузы, так как спать, тихо сопя в две дырочки, у них не получалось. Судя по храпу и сопению в комнате, которую можно было бы назвать как столовой так и залом, это уж как кому нравится, находилось трое. Двое справа и один слева. Напротив угадывался темный провал – как видно, дверь в спальню, и, судя по всему, она проходная, через нее можно попасть в последнюю комнату.

Семен сначала двинулся влево, и Антон расслышал едва различимый болезненный вскрик: Семен рассказывал, как нужно бить спящих, чтобы все прошло тихо, – нужно бить на выдохе, тогда шуму не будет. Так он и поступил. Общий порядок не нарушился – хунхузы продолжали мирно спать. Столь же быстро он разделался и с оставшимися двумя.

Когда он направился к дверному проему, а это был только проем, без двери, завешенный занавеской, темнота сыграла с ним злую шутку, так как он не рассмотрел стоящего на его пути табурета.

Падение табурета для Антона прозвучало как выстрел. На этот звук в соседней комнате кто-то зашевелился, потом что-то скрипнуло, и раздался недовольный голос. Китайского Антон не знал, но догадаться, что проснувшийся кого-то костерит, было несложно. Отвечать они не собирались. Такой вариант оговаривался Семеном заранее, так что согласно плану они просто замерли. Человек, только что проснувшийся, если не впадает в возбуждение, довольно быстро засыпает, вот они и собирались переждать пару минут, давая ему вновь уснуть. Но, как видно, тому не понравилось, что кто-то из их команды может позволить игнорировать его слова, даже не повинившись в содеянном. Вновь раздался голос проснувшегося, на этот раз громче и требовательнее, послышался скрип, и вроде с другой стороны. Все, теперь точно спать не ляжет.

Как ни странно, но, едва осознав это, а также и то, что скрытному этапу операции пришел амбец, Песчанин вдруг успокоился, и его перестало трясти.

– Граната!

Одновременно с этим криком он с силой ударил набалдашником запала по бедру, и помещение огласил резкий хлопок сработавшего капсуля, а граната тут же ушла по направлению к

соседней комнате. В темноте было едва заметно, как колыхнулась занавеска, пропуская через себя смертоносный снаряд. Звуки опрокидываемой мебели, тревожный крик, поспешное шлепанье по полу босых ног, стук, как видно, приклада хватаемой винтовки. Антон зажмурился и отвернулся, отрыв рот и заткнув уши. Взрыв.

В закрытом помещении взрыв небольшой буровой шашки показался ничуть не слабее выстрела главного калибра крейсера, так что, не прибегни он к мерам предосторожности, вполне возможно получить контузию, а так... В ушах, конечно, шумело, и неслабо, но терпимо. Как сквозь вату он услышал крик Гаврилова:

– Граната!

Антон повторил прежние манипуляции, и когда отзвучал взрыв, ринулся в соседнюю комнату, но как ни быстр он был, Гризли его все же опередил. Он еще только проходил через дверной проем, а там уже послышался первый резкий хлопок револьверного выстрела. Несмотря на удушье от скопившихся газов и витающий дымок, в комнате теперь можно было кое-что рассмотреть, так как что-то загорелось – видно, какая-то ткань. В ее неровном свете он увидел перевернутый стол, табуреты, валяющиеся у стены два тела, третий слабо шевелился в углу, и тут же раздался новый выстрел – тот затих. Четвертый лежал слева – как видно, его-то и добил первым выстрелом Семен. Так, эти двое не проконтролированы, но это забота Семена.

Антон извлек третью гранату, держа под прицелом вход в последнюю комнату, который теперь не прикрывала и занавеска, сорванная и висящая только на одном гвозде. Отчего-то в голову не ко времени пришла мысль о том, что если в доме нет ни одной двери, то как хозяин с хозяйкой умудряются развлекаться, отгородившись только занавеской? Но пока эта мысль бродила в голове, он вырвал зубами чеку и, вновь ударив себя по бедру, метнул смертоносный заряд в комнату, откуда доносились непонятные звуки.

– Граната!

– Якорная цепь!

Гризли едва успел эмоционально высказаться по поводу действий Антона, как из соседней комнаты раздался хлопок, который они едва сумели расслышать: все же в ушах еще было полно «ваты». Граната не сработала. Два торопливых выстрела. Один – Семена, в одного из лежащих, второй – чужой. Кто-то попытался высунуться из комнаты, сверкнула вспышка, раздался выстрел, пуля, вжикнув у самого уха, с глухим стуком вошла в бревенчатую стену. Антон торопливо нажал на спуск, пытаясь попасть в стрелявшего, но пуля только оторвала щепку от косяка. Еще один выстрел: Семен проконтролировал последнего. Антон быстро взвел курок и вновь послал пулю в последнюю комнату, и опять безрезультатно.

– Граната!

Семен запустил последний смертоносный снаряд, и тот не подвел. Громыкнуло, на этот раз взрыв показался даже сильнее, чем раньше, – Антон даже затряс головой, приходя в себя. Семен уже ввалился в последнюю комнату, Антон поспешил за ним. Вбежав, он увидел, что кто-то пытается вылезти в окно, но Гаврилов пристрелил его. Тело хунхуза дернулось и замерло, перевесившись в окне, словно прищипленная булавкой бабочка на планшете натуралиста. Ага, это им не воспользоваться окнами, а коротышки могли проделать данную процедуру без особых проблем.

Кто-то зашевелился справа от него, в неровном скачущем свете Антон сумел рассмотреть бандита, пытающегося унять кровотечение из оторванной по локоть руки. Он вскинул пистолет и нажал на спуск. На этот раз пуля ударила точно в середину груди, да и немудрено с двух шагов-то.

– Все, командир. Двенадцать. Бабушка приехала. Якорная цепь... – словно издали донесся до него звук голоса мичмана.

В нос отчетливо ударила удушающая вонь сгоревшей взрывчатки и тошнотворный запах крови и развороченных внутренностей. Во рту появился противный привкус меди.

Песчанин быстро выбежал из дома, громыхая по ходу попадающейся под ноги мебелью и еще черт знает чем. Выскочив на крыльцо, он повис на перилах, выворачивая внутренности наизнанку. Несмотря на то что желудок был пуст, рвотные позывы и не думали униматься, словно задалась целью исторгнуть сам желудок. Через минуту ему все же удалось прийти в себя.

– Ты как, командир?

– Н-нормально. Командир. Скажешь тоже, – вымученно попытался он иронизировать.

– Ты это брось. Нормальная реакция. Главное, что после боя, а не во время. Меня тоже мутило в первый раз. Да и сейчас не совсем. Отвык все же – сколько лет прошло.

– Что-то по тебе этого не заметно.

– Это только кажется. Ты вот что, командир. Давай к Варламу, заодно и продышишься. Пусть двигает за своим купцом, а я тут пока мужиков освобожу.

Купец появился только ближе к полудню. К тому моменту друзья при помощи хозяина и его сына перетащили трупы к опушке леса, подальше от заимки, где и начали копать могилу. Не бросать же их на растерзание зверям.

Хозяин оказался изрядно в годах, так что обращаться к нему просто по имени было неудобно, но от отчества он наотрез отказался, заявив, что если его хотят называть с вежеством, то пусть так и величают – дядька Антип. Сына его звали Петр. Поразила разница в годах: по всему выходило, что сын у дядьки Антипа появился, когда ему было уже за сорок. Но объяснение было проще некуда.

Была у старика когда-то другая семья, и жил он на Урале, но так уж сложилось, что прошла по тем местам эпидемия, вот из всей семьи один он только и выжил. Потом долго скитался, и где только его не носило – от Волги и до Владивостока. К тому моменту когда он оказался в этих краях, боль подутихла, и горе стало отступать. Решил осесть.

Раньше он был охотником, так что те навыки пригодились и на новом месте. Женился на китайке, которую, можно сказать, из неволи выкупил, куда она угодила за долги своего отца. Родился сын. Паренек оказался весь в отца: кровь того оказалась посильнее, – так что в лице Петра хотя и угадывалось что-то азиатское, по виду он был просто рязанским парнем, да и статью выдался – куда низкорослым китайцам. Но и тут беда не обошла старика. Несколько лет назад на жену, собиравшую неподалеку от заимки лесную малину, напал тигр. Полосатого хозяина тайги они с сыном нашли и извели, да вот только жены этим не вернешь.

Купец оказался довольно молодым, ему еще не было и тридцати, однако весь его вид говорил о том, что дела его идут весьма успешно. При виде него Антон даже улыбнулся: традиционные китайские одеяния, что ни говори, производили двойственное впечатление, а шапочка смотрелась просто уморительно, – однако он предпочел сдержаться.

Едва увидев свою жену, купец бросился к ней и заключил маленькую, хрупкую девушку в свои объятия. Он тоже не был великаном, как и большинство китайцев, но она даже на его фоне была миниатюрной. Если бы Антон не видел ее лица, то решил бы, что перед ним педофил, но лицо говорило, что она хотя и молода, но и не девочка, а вполне взрослая девушка. Сцена встречи супружеской пары была настолько умирительной, что Песчанин даже засмутился. Она расплакалась навзрыд, он уронил скупую слезу. Как видно, в этой семье все же царили любовь, мир и согласие. Оставалось только удивляться тому, что Ли Си Цинн – ну да, Антон подумал о том же, вспомнив бородатый анекдот, – был готов заплатить за то, чтобы извели банду, а не выкупить свою жену. Как видно, хунхузы знали о слабости купца и били наперняка. Не повезло. Китаец оказался загадочной душой, как и многое в Азии.

Но как купец ни был рад встрече с женой, ей он уделил не больше минуты, подтолкнув к возку, где ее приняла в свои заботливые руки служанка. Покончив с этим, он направился к ее спасителям, скромно стоящим в сторонке, со все так же перемазанными сажей лицами, отчего кожа уже изрядно зудела, да к тому же с полуприкрытыми, на манер ковбоев, физиономиями.

Ли Си Цинн был всего лишь деловым партнером, причем партнером разовым, а потому близкое с ним знакомство в их планы не входило. Все же двенадцать загубленных жизней, убийство с, так сказать, отягчающими. Береженого и Бог бережет.

– Здравствуйте, уважаемые. – Китаец говорил чисто, только с легким характерным акцентом. – Я благодарен за то, что вы сделали.

– Помимо благодарности, хотелось бы получить еще кое-что.

– Разумеется. Но только вначале я хотел бы убедиться.

– Справедливо. Ну что же, пойдете.

Вид истерзанных трупов китайца ничуть не смутил, а некоторые из них выглядели весьма неприглядно, – на его лице читалось только мрачное удовлетворение. Долго рассматривать их он не стал – только удостоверившись в наличии трупов, а значит, выполнении заказа, повернул обратно.

Разумеется, денег с собой он не взял – не таким уж он был и глупым: дураки такими деньгами не владеют, – но обещал передать их немедленно по возвращении во Владивосток, так как означенная сумма уже была собрана и даже переведена в русские ассигнации. Было решено, что за платой они придут к купцу, когда стемнеет, чтобы не привлекать лишнего внимания. Купец понял, что они хотят остаться неузнанными. Ну что же, это их дело, обманывать он никого не собирался.

Глава 6

Карты на стол

– Как вы могли! Антон? Гризли? Какие вы все же сволочи.

– Сереж, ты чего завелся? – искренне удивился Гаврилов. Ну не вязался у него образ Звонарева с решительным человеком, способным ввязаться во что-либо серьезное.

– Значит, вы там жизнями рискуете, чтобы немного подзаработать, – он выразительно посмотрел на лежащие аккуратными стопочками деньги на столе, – а я в кустах отсиживаюсь. Вы за кого меня принимаете?

– За человека, который эту горку превратит в еще большую гору. Не смотри на меня так. Как было написано на воротах Бухенвальда: «Каждому свое». Нам с Гризли – рисковать своими шкурами, тебе – работать головой, – резко оборвал друга Антон. – Для того чтобы начать что-то свое, нам нужен был стартовый капитал, теперь он есть. А вот теперь в дело вступаете вы с Зимовым. Сначала наладите производство отбойных молотков. Дальше... будет дальше.

Их беседу бесцеремонно прервал стук в дверь. Антон мельком бросил взгляд на часы и удовлетворенно кивнул. Пунктуальность Варлама ему пришлась по душе. Вообще, как оказалось, вор был хозяином своим словам во всем и ни разу еще не подвел, так стоило ли ожидать, что он опоздает на встречу, которая должна была обогатить его на приличную сумму?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.